

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

В двух томах

Под общей редакцией
С. Д. СКАЗКИНА

Допущено
Министерством
высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебника
для студентов
университетов,
обучающихся
по специальности
«История»

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ИЗДАНИЕ 2-е, ПЕРЕРАБОТАННОЕ

Редакционная коллегия:

А. Д. ЛЮБЛИНСКАЯ, Ю. М. САПРЫКИН, М. М. СМИРИН,
А. Н. ЧИСТОЗВОНОВ, Т. С. ОСИПОВА, В. Л. РОМАНОВА

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1977

3(0)4 я 73
9(М)1
И 90

Рецензент: кафедра истории средних веков Воронежского ордена Ленина государственного университета им. Ленинского комсомола

- 162540 - эти

История средних веков (в двух томах), т. II. Учебник. Под ред. С. Д. Сказкина и др. Изд. 2-е, перераб. М., «Высш. школа», 1977.

336 с.

Второй том содержит материал о последнем периоде западного средневековья от великих географических открытий на рубеже XV—XVI вв. до Вестфальского мира (1648). В нем излагается история отдельных стран за указанный период, а также общие проблемы возникновения капитализма, формирование международных отношений, развитие науки.

И 10603—420
001(01)—77 13—77

Львівська обласна бібліотека

9(М)1

© Издательство «Высшая школа», 1966
© Издательство «Высшая школа», 1977, с изменениями

Б. СЛІЯТЭКА ПДУ

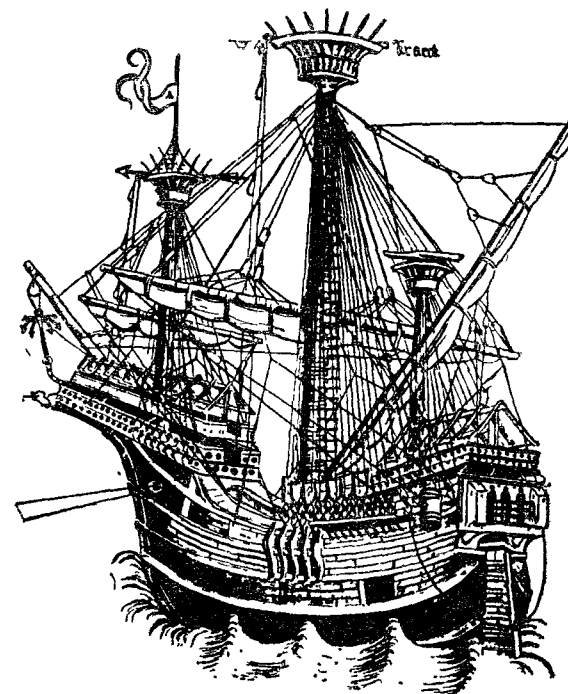
ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том учебника «История средних веков» для исторических факультетов государственных университетов охватывает последний период западноевропейского средневековья — от великих географических открытий на рубеже XV—XVI вв. до Вестфальского мира 1648 г. — время, когда в большинстве стран Западной и Центральной Европы происходил процесс разложения феодального строя и зарождались капиталистические отношения. Важнейшими событиями этого периода были: разложение феодальной собственности и феодальных производственных отношений как в сфере поземельных отношений, так и в области городского ремесла, процесс первоначального накопления, связанный с массовой экспроприацией непосредственных производителей, прежде всего крестьянства и зарождением мировой колониальной системы; процесс возникновения и развития прогрессивных для того времени капиталистических форм производства, обмена и распределения — капиталистической мануфактуры в промышленности, буржуазного фермерского хозяйства в деревне, торгово-банковских компаний капиталистического типа и т. п. Качественные изменения, происходившие в экономике, сопровождались ломкой ранее существовавшей социальной структуры феодального общества, обострением социально-политических и классовых конфликтов, охватывавших все сферы общественной жизни. Высшей формой классовой борьбы этой эпохи были буржуазные революции мануфактурного периода.

От ранее издававшихся учебников по истории средних веков предлагаемый вниманию читателей том отличается известными структурными изменениями. История Германии от начала XVI в. до Тридцатилетней войны дана в одной главе, разделенной на две части: 1) эпоха Реформации и Великой крестьянской войны; 2) Германия во второй половине XVI и в начале XVII в. Тридцатилетняя война рассматривается не как явление внутригерманской истории, а как событие общеевропейского характера,

обусловленное всем ходом развития международных отношений в XVI и в начале XVII в., которым посвящена особая глава. В главе о географических открытиях дается лишь материал, который относится к западноевропейским странам. Исходя из наличия отдельного учебника для университетов по истории южных и западных славян, авторы второго тома учебника, так же как и первого, не останавливались специально на внутренней истории славянских стран. История этих стран рассматривается лишь в их связях с другими европейскими странами и народами и в плане международных отношений в Европе.

Как и первый том учебника, его второй том представляет собой коллективный труд, в написании которого приняли участие научные сотрудники сектора истории средних веков Института всеобщей истории Академии наук СССР, Ленинградского отделения Института истории СССР, Академии наук СССР, профессора и преподаватели кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и ряда вузов, а также сотрудники других научных учреждений. Состав авторского коллектива указан в оглавлении.

Позднее
средневековье
XVI-середина XVII вв.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Третий период истории средних веков охватывает полтора столетия — с начала XVI до середины XVII в. В Европе в это время продолжал в основном господствовать феодализм и класс феодалов сохранял свое политическое главенство. Вместе с тем позднее средневековье характеризуется все ускоряющимся темпом развития производительных сил, зарождением и вызреванием капиталистического уклада в недрах разлагающегося феодального общества. «Экономическая структура капиталистического общества, — писал Маркс, — выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого»¹. Зачатки капиталистического производства появились в крупных торгово-промышленных городах Италии и Нидерландов в XIV—XV вв., но «начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию»².

Не во всех европейских странах в равной мере происходили эти процессы. В некоторых из них капиталистическое развитие не имело заметных успехов, а рост товарно-денежных отношений и внешнеторговых связей использовало главным образом дворянство в целях своего обогащения путем возврата к наиболее грубым формам феодальной эксплуатации крестьянства — барщине и крепостничеству (Венгрия, Германия после поражения Крестьянской войны 1525 г., Чехия после разгрома освободительного движения).

В Италии в XVI—XVII вв. раннекапиталистические отношения постепенно приходили в упадок вследствие изменения структуры внешнего рынка, укрепившейся политической и экономической раздробленности страны, которая стала объектом захватнической политики крупных абсолютистских монархий. В Испании и Португалии, осуществивших большие колониальные захваты в XVI в., происходил процесс первоначального накопления и в некоторых отраслях стали возникать капиталистические мануфактуры. Однако дальнейшее прогрессивное экономическое развитие этих стран было подавлено восторжествовавшей феодальной реакцией.

Иначе шло развитие таких государств, как Англия, Нидерланды, Франция. В этих странах происходило разложение феодальных производственных отношений, развивался процесс первоначального на-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 727.

² Там же, с. 728.

копления, зарождения капиталистического уклада. В сфере социальной возникали два новых класса общества — буржуазия и пролетариат. Появление на исторической арене новых классов сопровождалось возникновением новых прогрессивных форм идеологии, которые нанесли удар феодальному мировоззрению и господству официальной идеологии католицизма.

Изменения произошли в политической надстройке общества. В период позднего средневековья в ряде европейских стран появилась новая форма политического господства класса феодалов — абсолютная (неограниченная) монархия. Третий период истории средних веков ознаменовался также первыми актами буржуазной революции в Европе: Реформацией и Крестьянской войной 1525 г. в Германии и Нидерландской революцией.

**Развитие
производительных сил
в промышленности
к началу XVI в.**

События, связанные с зарождением и развитием капитализма в Европе, имели всемирно-историческое значение. Возникновение капиталистического уклада было обусловлено развитием производительных сил. «Для того, чтобы

капиталистическое отношение вообще возникло, необходима в качестве предпосылки определенная историческая ступень и форма общественного производства. В рамках прежнего способа производства должны развиться средства сообщения, средства производства и потребности, которые выходят за пределы старых производственных отношений и вынуждают их превратиться в капиталистическое отношение»¹.

Производство постоянно находится в состоянии изменения, при этом изменяются в первую очередь орудия труда. В этом отношении к началу XVI в. благодаря труду непосредственных производителей — ремесленников и крестьян — были достигнуты значительные успехи. Ранее всего это сказалось в промышленности, которая в средние века имела ремесленный характер.

Использование водяного колеса в качестве двигателя было известно еще античности. Но в период раннего средневековья было распространено нижнебойное колесо, устанавливавшееся прямо в потоке воды. Лишь начиная с XIII в. стало применяться верхнебойное, или наливное, колесо, приводимое в движение силой падающей на него сверху струи воды. Коэффициент полезного действия такого колеса был значительно выше. Это позволяло устанавливать водяное колесо уже не на самой реке, а на небольших отводных каналах. Применялось оно в самых различных отраслях производства: в мукомольном деле, сукноделии, горнорудном и металлургическом, бумажном производстве — и с XVI в. заняло господствующее положение.

Значительно совершенствовалась техника металлургического производства. Наряду с кричным горном, в котором выплавлялось в тестообразном виде железо (шлаки и другие примеси удалялись из него последующей проковкой), с XIV в. научились создавать, сначала небольшие, доменные печи. К середине XV в. размеры этих печей

сильно возросли. В домнах производился уже новый продукт — расплавленный до жидкого состояния чугун. Часть его шла на отливку разных изделий, другая могла переделываться на разные сорта стали в кричных горнах (кричный передел). Ручные меха заменяются механическими, движимыми водяными колесами. На основе применения ступенчатого вала были сконструированы дробильные машины для размельчения руды и механические молоты дляковки металла. Широко распространились в XVI в. также волочильные и прокатные механизмы. Объем выплавки чугуна и стали в Европе сильно возрос, что способствовало усовершенствованию инструментов и других орудий во всех отраслях производства. Для холодной обработки металла использовали простейшие виды токарных, сверлильных и шлифовальных станков.

Различные простейшие механизмы — водоотливные насосы, подъемники и т. п. — начали применяться в горнорудной промышленности. Благодаря этому стало возможным добывать полезные ископаемые в подземных шахтах более глубокого залегания, чем раньше, что привело к изменениям в горном деле. Вместо примитивных ям и ручного вычерпывания воды появились горизонтальные и наклонные выработки с самостоятельным выходом на поверхность земли (штольни), а на ряде разработок — вертикальные штольни — шахты, от которых в разные стороны расходились штреки, где велась разработка горнорудных пластов. Успехи металлургии способствовали быстрому развитию огнестрельного оружия, как стрелкового, так и артиллерии. Первое было представлено пистолетами, аркебузами, в XVI—XVII вв. — мушкетами; второе — серией специализированных пушек и мортир, использовавшихся на поле боя, при осаде или обороне крепостей, на морских судах. Но все они имели еще внутри гладкие, а не нарезные стволы. Поэтому прицельность и дальность их были относительно невелики. Изменились и доспехи воинов. Они стали делаться из тонких пластинок закаленной стали и таких форм, которые способствовали рикошетированию пуль и осколков бомб. Изменились тактика и стратегия. Крепости стали строиться гораздо более прочными, по инженерным расчетам, что обеспечивало ведение фланкирующего и кинжального огня по штурмующим вражеским войскам. В целом в военном деле совершался подлинный переворот.

В текстильном производстве примитивные вертикальные ткацкие станки повсеместно уступили место более совершенным и более производительным горизонтальным станкам. Употребление одной сукновальной мельницы (с XII в.) заменяло 24 работника; применение широкого ткацкого станка с двумя рабочими повысило производительность труда в 3—4 раза, а самопрядки — в 3—5 раз. Был усовершенствован технологический процесс окраски тканей, внедрены новые красители.

Известные с XII в. механические часы конструктивно совершенствовались, и в конце XV в. были созданы портативные карманные часы с пружиной — первый известный тогда автоматический механизм. С изобретением книгопечатания появилось полиграфическое производство. Большие успехи были достигнуты в морском судостроении

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), 1933, с. 175.

и технике мореплавания (см. гл. 24), что создало условия для великих географических открытий XV—XVII вв. Последствия этих открытий сыграли выдающуюся роль в экономической и социальной жизни Европы.

С развитием орудий труда, техники и технологии производства совершенствовались навыки и квалификация самих производителей. Значительно усилилось общественное разделение труда. Появилось множество новых ремесел и профессий, углубилась специализация ремесленников и инструментов.

Если в ранний период развития сукноделия один сукнодел выполнял большинство операций, связанных с выработкой сукна, то в XIV в., например, во Флоренции изготовляли и отделывали сукна несколько ремесленников узкой специализации (чесальщики, мойщики, прядильщики, ткачи, валяльщики, ворсовщики, красильщики, складывальщики и др.). Такое же положение существовало и в других отраслях текстильного производства. Сильно возросла специализация среди ремесленников, занимавшихся обработкой металлов. Рост общественного разделения труда означал большое увеличение его производительности, а следовательно, и общего объема производства различных изделий.

Развитие производительных сил в сельском хозяйстве

Развитие производительных сил, орудий производства в сельском хозяйстве шло медленнее, чем в ремесле. Сам характер сельскохозяйственных работ при существовавшем тогда уровне

техники не создавал таких возможностей для роста разделения труда и его производительности, как в промышленности. Сильно тормозила развитие производительных сил в деревне феодальная эксплуатация крестьянства. Однако известный прогресс имелся и здесь.

Выражался он прежде всего во все более расширявшемся объеме производства сельскохозяйственных продуктов, в росте урожайности и расширении посевных площадей. К началу XVI в. большая часть запустевших земель была вновь распахана или использовалась под луга и пастбища. Для увеличения культурных площадей стали прибегать во все возрастающих масштабах к осушению болот, озер и заливаемых морем низин, что требовало уже инженерных расчетов.

Совершенствовались методы обработки почвы. Наряду с господствовавшей трехпольной системой севооборота местами появилось многополье и травосеяние по пару. Все чаще применялись удобрения почвы, для чего кроме навоза употребляли торф, дерн, всякого рода отбросы, вывозившиеся из городов.

Интенсификация сельского хозяйства была вызвана тем, что рост городов и городского населения повлек за собой повышение спроса на хлеб и продовольствие. Развитие ремесленного производства повысило также спрос на сельскохозяйственное сырье — шерсть, кожу, коноплю, лен и другие технические культуры.

Значительное развитие к началу XVI в. получили животноводство, садоводство, огородничество, виноградарство и связанное с ним виноделие. Улучшилась сортность плодовых деревьев и злаков, породность и продуктивность скота. В отдельных областях стали практиковать

стойловый откорм скота (Фландрия, местами в Германии и Англии).

Возрастала специализация отдельных районов и областей, производивших определенные сельскохозяйственные продукты. Возникли районы торгового земледелия. Так, Голландия специализировалась на разведении молочного скота (и в большом количестве экспортировала сыр и масло), Рейнская область в Германии — на виноградарстве и производстве определенного сорта вин, Валенсия и Гранада в Испании — на производстве шелка-сырца, Кастилия — на разведении тонкорунных овец-мериносов и сбыте шерсти и т. д.

Земледельческие орудия мало изменились. Создавались в основном не новые образцы, а лишь улучшались и усовершенствовались прежние, традиционные орудия и инструменты: косы, серпы, бороны, плуги, которые становились более легкими, удобными в обращении, изготовлялись из более качественных сортов стали. С середины XV в. сначала во Фландрии, а позднее в Англии стал распространяться одноручный легкий плуг, влекаемый одной-двумя лошадьми, управляемый одним человеком (вместо 4—6 лошадей, 2—3 человек, требовавшихся для обычного тяжелого плуга).

В целом накопившиеся количественные изменения в агрикультуре и сельскохозяйственной технике создавали материальные предпосылки для зарождения капитализма и в деревне. Но подлинному перевороту в агрикультуре и орудиях труда препятствовали феодальные порядки, сковывавшие развитие производительных сил. Создание и укрепление новых, буржуазных производственных отношений должно было стать исходным пунктом последующего революционирования орудий труда и агрикультуры.

Развитие товарного производства

Рост производительных сил сказался на развитии товарного производства, товарно-денежных и рыночных отношений. Элементы товарного производства и обмен известны были

и в период раннего средневековья, но тогда, в условиях преобладания натуральных форм хозяйства, они имели подчиненное значение. Иную картину представлял собой поздний период феодализма. В XV в. товарно-денежные отношения проникли во все хозяйственные сферы феодального общества. С каждым годом городское ремесло производило все больше товаров. Увеличилось количество городов и численность их населения, а также богатство, сила и значение горожан.

Глубоко проникли товарно-денежные отношения и в экономику деревни. С ростом городов и городского населения, с возникновением районов торгового земледелия возрастал обмен между городом и деревней. Сельские побочные промыслы успешно конкурировали с городским ремеслом. Денежная форма феодальной ренты (с многообразием видов, присущим периоду разложения феодализма) стала господствующей в передовых странах Западной Европы.

Поскольку крестьянин должен был платить феодалу в качестве ренты деньги, он становился продавцом продуктов, что расширяло рыночные связи. Возрастала хозяйственная самостоятельность крестьянина, а также его заинтересованность в повышении произ-

водительности своего труда. Одновременно домениальное хозяйство все больше сходило на нет, а феодал выступал на рынке главным образом в роли покупателя товаров, а не продавца.

Рыночные связи умножились, расширились и перешагнули местные и национальные рамки, что в совокупности с быстрым ростом морского судоходства и великими географическими открытиями конца XV—XVI вв., с развитием капиталистических отношений создавало базу для складывания мирового рынка.

Углубление общественного разделения труда в ряде ведущих отраслей промышленного производства (текстильного, горно-металлургического и др.) и в сельском хозяйстве, где также появились разные промыслы и ремесла, перерастало рамки мелкого товарного производства и феодального производства в целом.

В том же направлении действовала и эволюция самого простого товарного производства, по отношению к которому капиталистическое производство является высшей, но одновременно и качественно отличной формой. Простое товарное производство, как и капиталистическое, основано на производстве товаров для продажи их на рынке. Как и капиталистическому производству, ему присуща частная собственность на средства производства (хотя и в более мелком масштабе). Развитие товарного производства усиливало имущественное расслоение мелких товаропроизводителей. Поэтому мелкое товарное производство (городское и сельское ремесло, мелкое крестьянское хозяйство) при наличии определенных условий, в обстановке разложения феодальных отношений создавало предпосылки для развития отношений капиталистических, вместе с купеческим и ростовщическим капиталом выступало в качестве исходного пункта и питательной среды для возникающего капитализма.

Законы экономического развития диктовали необходимость перехода от мелкого производства к крупному: от разделения труда между цехами и мелкими мастерскими к разделению труда внутри крупной мастерской, от мелкой собственности самостоятельных товаропроизводителей к крупной капиталистической собственности, от местных и национальных рынков к мировому рынку, от простого товарного производства к капиталистическому укладу. Но этому мешали существовавшие формы производства и обмена. «Городской труд, — писал Маркс, — сам создал такие средства производства, для которых цехи стали настолько же стеснительными, насколько прежние отношения земельной собственности стеснительны для усовершенствованного земледелия...»¹.

В городских ремесленных цехах технологические регламентации, ограничение размеров производства, запрещение употреблять технические новинки (например, самопрядки, сукновальные мельницы и др.), сохранение внеэкономическими методами монополии на производство тех или иных видов изделий сдерживали рост крупного производства, тем более что купцы и разбогатевшие внецеховые ре-

месленники не могли найти в достаточном количестве рабочих. Мелкие производители города и деревни были еще соединены со своими средствами производства и цеховым принуждением в городах, феодальной зависимостью — в деревнях, удерживались насильственно в рамках феодальных форм производства.

В деревне раздробленность земельных участков, принудительные севообороты препятствовали внедрению интенсивных методов ведения хозяйства, укрупнению его размеров.

Развитие рыночных связей также встречало на своем пути многочисленные препоны. Феодальный строй, характерные для него мелкое производство и местнический городской протекционизм ограничивали емкость внутреннего рынка, задерживали развитие товарного обращения.

Вследствие этого образование капиталистических отношений в ходе разложения мелкого товарного производства при господстве феодализма совершалось медленно, черепашими темпами и это не соответствовало торговым потребностям «нового мирового рынка, созданного великими открытиями конца XV века»¹.

Историческая необходимость первоначально-го накопления определялась теми чертами, которые отличали капиталистический способ производства и капиталистическую систему эксплуатации от феодального способа производства и феодальной системы эксплуатации.

Собственнику земли — феодалу — для получения феодальной ренты необходим владеющий собственными орудиями труда и наделенный им землей крестьянин, по отношению к которому феодал использует силу внеэкономического принуждения.

Капиталистический способ производства зиждется на эксплуатации лишенных средств производства и средств существования наемных рабочих — пролетариев — классом капиталистов, сосредоточившим в своих руках денежные богатства и средства производства. Капиталист в отличие от феодала не может купить или продать наемного рабочего. Но тот, чтобы не умереть с голоду, вынужден продавать свою рабочую силу капиталисту, который как собственник средств производства присваивает без оплаты прибавочный труд эксплуатируемого им наемного рабочего.

«Исторической предпосылкой возникновения капитала, — писал В. И. Ленин, — является, во-1-х, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще и, во-2-х, наличие «свободного» в двойном смысле рабочего, свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйного рабочего, рабочего-«пролетария», которому нечем существовать, кроме как продажей рабочей силы»².

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 500.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 759.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 26, с. 64.

Исторические предпосылки капиталистического способа производства были значительно ускорены в процессе так называемого первоначального накопления, явившегося не результатом, а исходным пунктом капиталистического способа производства. «От накопления капитала на базе капитализма следует отличать так называемое первоначальное накопление: насильственное отделение работника от средств производства, изгнание крестьян с земли, кражу общинных земель, систему колоний и государственных долгов, покровительственных пошлин и т. д.»¹.

В то же время история развития общества показывает, что все элементы, из которых складывалось первоначальное накопление, исторически распределялись более или менее последовательно между различными странами: Испанией, Португалией, Нидерландами, Англией, Францией, а вовсе не выступали в каком-то строго обязательном единстве. Однако основу этого процесса повсеместно составляла экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, т. е. обезземеливание крестьянина. В наиболее завершенном виде оно проходило в Англии, и именно на ее примере Маркс показал мучительный для народных масс процесс первоначального накопления, процесс рождения капитализма.

Главной формой экспроприации крестьянства в XVI—XVII вв. в Англии были захваты феодалами всех рангов общинных земель, сгон крестьян с их участков, снос целых деревень. Дворяне обносили изгородями («огораживали») захваченные земельные комплексы, а потом либо заводили на них собственные хозяйства буржуазного типа, либо сдавали в аренду фермерам и буржуазным предпринимателям, а то и превращали в развлекательные резиденции.

Насильственная экспроприация крестьян имела место и в других странах. Во Франции в XVI—XVII вв. крестьян разоряли тяжелые государственные налоги, ростовщическая кабала и прямой грабег сеньоров, их управителей, откупщиков и сборщиков налогов. В наиболее экономически развитых провинциях Нидерландов зажиточные крестьяне, скупавшие землю богатые горожане и дворяне к середине XVI в. уже обезземелили значительную массу крестьян посредством ростовщической кабалы и прямого насилия.

Одновременно с этим шла экспроприация мелких городских и сельских ремесленников, которых купцы-скупщики и ростовщики опутывали сетью непосильных «долгов». Цеховые мастера многих отраслей уже в XV в. объединились в замкнутые корпорации, закрыв фактически подмастерьям доступ в свою среду и превращая постепенно последних в наемных рабочих. Феодалное государство давило разорявшихся мелких ремесленников непомерными налогами. В результате уже в XVI в. в таких странах, как Нидерланды, Англия, Франция, Испания, многие мелкие ремесленники либо совершенно разорились, либо потеряли свою самостоятельность и фактически получали заработную плату, притом нищенскую, от эксплуатирующих их богачей, часть которых выделилась из среды самих ремесленников.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 65—66.

Осуществлялось все это с применением жесточайшего насилия. Феодалные государства подавляли сопротивление экспроприруемых масс с помощью войск, свирепых судебных расправ, тюрем и виселиц. Поскольку нарождавшееся капиталистическое производство не могло сразу поглотить всю массу экспроприированных, а последние еще не привыкли к новой, казарменной дисциплине наемного труда на мануфактурах, повсюду развивалось бродяжничество. С целью его пресечения начиная с XVI в. в Англии, Испании, Нидерландах, во Франции издавались жестокие законы против бродяг, т. е. экспроприированных, лишенных орудий труда, крова и средств существования крестьян и ремесленников. Эти законы предписывали бить бродяг кнутом, отдавать в специально устроенные работные дома, где они гибли от голода и непосильного труда, ссылать на каторгу, на галеры и даже казнить. Маркс охарактеризовал эти законы как «кровавое законодательство». «Отцы теперешнего рабочего класса, — писал он, — были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их превратили в бродяг и пауперов»¹.

Подобными методами создавалась резервная армия рабочих, необходимая для развития капиталистического производства, а в руках кучки богачей сосредоточивались крупные денежные суммы, необходимые для приобретения средств производства и покупки рабочей силы, в избытке появившейся на рынке труда.

Уже в предшествующие столетия богатые горожане, купцы и ростовщики накопили значительные денежные суммы. Теперь, в XVI—XVII вв., массовое ограбление крестьян и ремесленников открывало перед богачами еще более широкие возможности. Почти столь же широкие возможности открывал и грабег вновь открытых земель, превращенных в колонии. Первыми, кто сильно нажился на этом, были испанские и португальские конкистадоры и купцы. Они расхищали природные богатства открытых стран, свирепо эксплуатировали их население и истребляли его, наживали огромные средства на колониальной торговле, которая часто представляла собой лишь несколько завуалированную разновидность грабежа.

Вслед за испанцами и португальцами в колонии двинулись голландские и английские купцы, которые создали целую систему хищнической эксплуатации колоний (см. гл. 24). «Сокровища, добытые за пределами Европы посредством прямого грабежа, порабощения туземцев, убийств, — писал Маркс, — притекали в метрополию и тут превращались в капитал»².

Нарождающаяся буржуазия сильно наживалась и на государственных долгах, которые Маркс считал одним из самых мощных рычагов первоначального накопления. Такую роль они играли как в феодално-абсолютистских монархиях XVI—XVII вв., так и позже, когда в Европе появились первые буржуазные государства (республика Соединенных провинций, Англия). Государство постоянно нуждалось в деньгах для ведения войн, содержания армии и чиновников и т. д. Налоговых поступлений, как бы они ни были велики, никогда

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 744.

² Там же, с. 763.

да не хватало. Поэтому государство часто занимало деньги у ростовщиков и купцов, выплачивая по займам высокие проценты. И займы, и проценты по ним оплачивались в итоге за счет налогового ограбления народных масс. Государственный долг был одновременно и источником обогащения буржуазии, и одним из способов экспроприации мелких производителей.

Арсенал методов первоначального накопления дополняла система протекционизма. Сущность ее заключалась в том, что европейские государства — Франция, Англия, Нидерланды и др. — в XVI—XVII вв. стали вводить высокие пошлины на ввозимые готовые изделия, запрещать вывоз сырья и продовольствия, давать купцам и предпринимателям денежные субсидии, премии и всевозможные льготы. Делалось это в интересах самого феодального государства, которое нуждалось в развитии ряда отраслей производства (в первую очередь связанных со снабжением армии); оно, кроме того, получало значительные доходы в виде таможенных сборов. Но главные выгоды из подобной системы извлекала буржуазия, получившая возможность удерживать на внутреннем рынке высокие цены на товары своего производства, снижать цены на сырье и продовольствие и тем самым увеличивать свои прибыли за счет мелких крестьян и наемных рабочих.

Обогащению буржуазии и обнищанию народных масс способствовала и так называемая революция цен, охватившая сначала Испанию и Португалию, а затем Францию, Англию, Нидерланды и почти все другие страны Европы в XVI в. под влиянием ввоза большого количества драгоценных металлов — золота и серебра, добытых дешевым трудом рабов в колониях (см. гл. 28).

В ходе первоначального накопления, главным образом насильственным путем, создавалась отличная от феодальной буржуазная собственность, крупная собственность капиталистов на денежные богатства и средства производства при одновременном превращении больших масс населения в продавцов своей рабочей силы.

Отделение непосредственных производителей от средств производства и сосредоточение последних, а также денежных богатств в руках капиталистов неизмеримо расширили емкость внутреннего рынка. Массы вчерашних крестьян и ремесленников теперь выступали как потребители товаров и продавцы рабочей силы. Возрос спрос на средства производства со стороны предпринимателей.

С открытием новых стран и возникновением колониальной системы торговля приобрела мировой характер. Складывался мировой капиталистический рынок. Это событие имело огромное общеисторическое значение. Судьбы буржуазного развития той или иной страны в решающей мере зависели от того, господствующее или подчиненное место на мировом рынке она занимала.

Капиталистическая мануфактура Первоначальное накопление и складывание капиталистического уклада не были отделены четко хронологически друг от друга, нередко эти процессы шли и одновременно, оказывая воздействие друг на друга.

Первой стадией развития капиталистического производства в промышленности была капиталистическая простая кооперация. Это такая форма производства, при которой купец или капиталист эксплуатировал более или менее значительную группу наемных рабочих, одновременно занятых на производстве и выполняющих однородную работу. Уже она давала значительный рост производительности труда и снижение стоимости продукции. Последующее развитие капиталистического производства привело к возникновению мануфактуры, господствовавшей в Западной Европе с середины XVI в. до последней трети XVIII в. (так называемый мануфактурный период капитализма). Эту стадию в развернутой ее форме прошли лишь самые развитые страны Европы — Англия, Нидерланды, Франция.

Мануфактура — капиталистическое предприятие. Владелец его является купец-капиталист или капиталист-предприниматель, а работают в нем либо фактически низведенные до уровня рабочих-надомников псевдосамостоятельные мелкие ремесленники, либо наемные рабочие. Хотя появление мануфактуры знаменовало собой переход от индивидуального мелкого к крупному производству, она базировалась еще на ремесленной ручной технике, но уже на разделении труда внутри мастерской.

Зарождалась мануфактура прежде всего в таких отраслях, в которых развитие орудий производства или степень разделения труда создавали условия для перехода к крупному производству: в горнорудной и металлургической промышленности, судостроении и текстильном производстве. В горнорудной и металлургической промышленности, в судостроении предприниматели шли по пути создания крупных централизованных предприятий мануфактурного типа или временно кооперировали отдельные предприятия мелкого масштаба с последующим их слиянием, расширением и переоборудованием. В текстильном производстве, как правило, крупные капиталистические предприятия появлялись на базе рассеянной и смешанной мануфактуры.

Организаторами первых мануфактур чаще всего выступали купцы, ростовщики, внецеховые ремесленники, реже — отдельные разбогатевшие цеховые мастера. Ремесленные цехи и продолжавшие существовать средневековые купеческие корпорации, ставшие теперь уже тормозом для дальнейшего развития промышленности и торговли, чинили всяческие препятствия развивавшейся капиталистической мануфактуре в стенах городов. Поэтому базой развития последней послужило не цеховое ремесло, а сельские побочные промыслы или такие ремесла, которые не были организованы в цехи.

Сначала купец, ростовщик или мелкий мастер-предприниматель, пользуясь отдаленностью мелких ремесленников от рынков сбыта и сырья или их материальными затруднениями, выступал в качестве продавцов сырья и скупщиков произведенных ремесленниками готовых изделий. Ремесленники стали отделяться от рынка сбыта, скупщик же постепенно подчинял их себе, устанавливая цены на покупаемые изделия, все сильнее опутывая свои жертвы долгами, начинал доставлять им в кредит сырье и инструменты, а кончал тем,

что из скупщика превращался уже в раздатчика-предпринимателя, фактически выплачивая ранее самостоятельным производителям заработную плату. Затем он вмешивался в процесс производства, подчинял себе большое число сельских ремесленников одной или различных узких специальностей и превращался в купца-мануфактуриста. «Сосредоточение значительного числа рабочих под командой одного и того же капитала, — писал Маркс, — образует естественный исходный пункт как кооперации вообще, так и мануфактуры»¹. Такой тип мануфактуры создавался преимущественно купеческим капиталом, а называлась она рассеянной, так как эксплуатируемые капиталистом пролетаризированные мелкие производители работали еще у себя на дому, а не в общей мастерской.

Но был и другой путь образования мануфактуры. Купец, разбогатевший самостоятельным ремесленником или, реже, цеховой мастер создавал большую мастерскую, сам закупал необходимое оборудование, инструменты и сырье и эксплуатировал наемных рабочих, трудившихся под одной крышей, в одной мастерской. Он же сбывал и произведенную в мастерской продукцию. Такой тип мануфактуры, называвшейся централизованной, создавался обычно промышленными предпринимателями.

Первый путь развития с прямым подчинением производства купцу был более распространенным, но это был консервативный путь. Скупщик-предприниматель присваивал прибавочный труд эксплуатировавшихся им пролетаризированных, внешне самостоятельных производителей на основе старого способа производства, то, что Маркс называл формальным подчинением труда капиталу. Это был переходный, зачаточный тип капиталистического производства. Он базировался на присвоении капиталистом прибавочной стоимости за счет увеличения продолжительности рабочего дня (абсолютная прибавочная стоимость). Такие формы производства либо постепенно отмирали, либо развивались в более высокие формы — мануфактуру, где прибавочная стоимость производилась уже за счет повышения производительности труда (относительная прибавочная стоимость).

Второй путь, при котором производитель превращался в купца и предпринимателя, был, по характеристике Маркса, «действительно революционизирующим путем». Он открывал наибольшие возможности развития перед складывавшимся крупным капиталистическим производством, олицетворяя реальное подчинение труда капиталу (т. е. собственно капиталистическое производство).

На практике оба пути развития капиталистической мануфактуры сосуществовали, переплетались и порождали множество смешанных форм мануфактурных предприятий, сочетавших те или иные их черты в той или иной пропорции. Например, мануфактурист-сукнодел раздавал ремесленникам-надомникам шерсть и пряжу для прядения и тканья, а первичную обработку шерсти, окраску и отделку готовых сукон производил в собственной мастерской с помо-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 372.

щью наемных рабочих. По сравнению с цеховым и мелким самостоятельным производством городских и сельских ремесленников капиталистическая мануфактура во всех ее формах, а особенно централизованная, была большим шагом вперед.

Мануфактура зиждилась на ручном труде и на ремесленной технике. Отсюда и ее название: от латинского *manus* — рука и *factura* — изделие. В мануфактуре разделение ручного труда достигло своего предела. Каждый рабочий производил лишь небольшое число операций или даже одну из них. Благодаря этому рабочий становился виртуозом своей операции, а инструмент его приобретал такую степень специализации, что это вплотную подводило к созданию исполнительного механизма машины.

Очень показателен в этом отношении пример роста производительности труда на основе его детального разделения в игольном производстве. В мануфактуре с 10 работниками ежедневная выработка на одного рабочего достигала 4,8 тыс. иголок. В то же время один ремесленник, осуществлявший сам все операции по производству иглы, не смог бы сделать и 20 иголок в день.

Легко себе представить, что это означало в масштабе всего мануфактурного производства в целом, а также понять, что сулила конкуренция с мануфактурой мелким ремесленникам, которые продолжали работать в этой отрасли прежними методами.

Вместе с тем мануфактура являлась капиталистическим предприятием, владельцем которого был одержим лишь одной целью — получить побольше прибыли. Рабочие мануфактур подвергались самой бесчеловечной эксплуатации. Предприниматели не только повышали интенсивность труда, увеличивали продолжительность рабочего дня и снижали заработную плату, но и широко применяли, используя «кровавое законодательство», принудительный труд бродяг на своих предприятиях, устанавливали для рабочих жесткий казарменный распорядок жизни.

Необходимо, однако, отметить, что мануфактура не охватывала и не могла охватить полностью общественное производство. «Она выделялась, — по словам Маркса, — как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы»¹.

Капиталистическая мануфактура существовала в феодальном окружении. Она зачастую подвергалась преследованиям со стороны цехов, местами же — ограблению со стороны дворянского государства, как, например в Испании, где постепенно и заглохла. Зато в Англии, Нидерландах и Франции капиталистическая мануфактура крепла и приобретала все большее значение.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве
Насильственная экспроприация крестьян ускорилась в XVI в. в некоторых странах (Англия, Германия, Нидерланды) конфискацией (секуляризацией) и распродажей церковных и монастырских земель в ходе реформирования католической церкви (реформация).

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 381.

Реформация привела к большим перемещениям земельной собственности и изменениям самого характера аграрных отношений.

В деревне в XVI—XVII вв., как и в городе, возникали капиталистические отношения. Но в деревне развитие орудий труда, общественного разделения труда и разложение феодальных производственных отношений совершались замедленным темпом. Поэтому и развитие капиталистических отношений здесь шло медленнее, чем в городе. Наиболее завершенные и четкие формы этот процесс получил в Англии, где экспроприация крестьян была проведена в самой решительной и жесткой форме.

Согнав со своих земель крестьян — феодальных держателей, английские дворяне, а также буржуа, скупившие значительную часть монастырских земель, сосредоточили в своих руках большие владения. Часть их превращалась в пастбища для разведения овец, другая — в крупные хозяйства с применением в широких масштабах труда наемных сельскохозяйственных рабочих-батраков.

Большую же часть земли ее новые собственники сдавали крестьянам или реже городским буржуа в аренду, плата за которую значительно превышала размер ренты, уплачиваемой прежним держателем на феодальном праве — крестьянином. Первоначальной формой такой аренды была издольщина (*metayage*), распространенная в ряде европейских стран (Англия, Франция, Италия, Германия, Нидерланды). Сущность издольщины заключалась в том, что земельный собственник давал арендатору землю, а зачастую семена и инвентарь. Порой издольщик сам, целиком или частично, обеспечивал свое хозяйство семенами, а также живым и мертвым инвентарем. Он обрабатывал землю сам (если участок был невелик) или прибегал к наемному труду и после сбора урожая обусловленную в договоре часть его отдавал собственнику земли, а остальной частью распоряжался по своему усмотрению. Наиболее часто встречавшейся формой издольщины была польщина, при которой владелец земли и арендатор несли равные доли расходов по ведению хозяйства и поровну делили полученные доходы.

При издольщине земельная рента выступает уже не в чистом виде, так как земельный собственник авансировал арендатору какую-то часть капитала. По своей экономической структуре издольщина была промежуточной, полufeодальной формой ренты, и ее дальнейшая эволюция зависела от общего хода экономического развития той или иной страны. Если хозяйство развивалось по капиталистическому пути, издольщина трансформировалась постепенно в капиталистическую форму аренды. И наоборот, если верх одерживала феодальная реакция, издольщина превращалась в кабалу, поглощавшую не только весь прибавочный труд арендатора, но порой и часть его необходимого продукта.

В Англии, где все больше утверждался капиталистический уклад, издольщина быстро уступила место чистой форме капиталистического предпринимательства в сельском хозяйстве — фермерству. Предприниматель-фермер арендовал на определенный срок большой участок земли, уплачивая землевладельцу установленную арендную

плату. Он приобретал инвентарь, семена и сам оплачивал наемную рабочую силу. Для этого требовались значительные денежные средства. В противоположность феодально зависимому крестьянину фермер не имел владельческих прав на арендованную им землю. За пользование ею он уплачивал собственнику земли ренту, которая в отличие от феодальной ренты представляла собою часть прибавочной стоимости, созданной сельскохозяйственными рабочими сверх средней нормы прибыли на капитал.

Так в английском сельском хозяйстве создавалось капиталистическое производство, существовавшее наряду с капиталистической мануфактурой в промышленности. В то же время в Англии феодальная собственность на землю и феодальная эксплуатация крестьянства продолжали существовать, и в достаточно большом объеме, а вместе с ними — феодальное дворянство как господствующий класс и класс феодально эксплуатируемого крестьянства.

В Нидерландах капиталистическое фермерское хозяйство в XVI в. также достигло известного развития. Значительное распространение получила и издольщина.

Во Франции капиталистические формы в сельском хозяйстве утверждались гораздо медленнее, чем в Англии и Нидерландах. В Южной Франции наряду с исконной цenzивой развивалась преимущественно польщина, в северных районах страны — капиталистическое фермерское хозяйство.

Иначе складывались отношения в сельском хозяйстве Восточной Германии, Венгрии, Чехии, некоторых стран Юго-Восточной Европы. Здесь капиталистические начала в сельском хозяйстве не получили развития. Ниже был и уровень товарно-денежных отношений в деревне. Феодальное дворянство в этих странах оказалось более сильным, чем социальные элементы общества, олицетворявшие прогрессивные тенденции. В Германии это определилось после неудачи Крестьянской войны 1525 г., в Чехии — после разгрома гусизма. Поражение прогрессивных сил в этих странах было использовано реакционными феодалами для установления безграничного произвола, принявшего форму «второго издания крепостничества», тенденция к которому проявилась еще в конце XV в.

Взросший спрос нарождавшегося капиталистического производства таких стран Европы, как Англия, Нидерланды и др., на продовольствие и сельскохозяйственное сырье уже не мог покрываться за счет их собственных ресурсов. С возникновением мировой торговли и мирового рынка эти страны стали ввозить продукты и сырье из Восточной Германии и Польши, где оптовыми продавцами выступали не крестьяне и кушцы, а феодалы-помещики. С целью получения товарного хлеба феодалы указанных стран отбирали у крестьян, плативших ранее денежную ренту, земельные участки и общинные земли и превращали их в барскую запашку, которая обрабатывалась на условиях барщины вновь закрепощенными крестьянами. Имея в виду такой ход аграрного развития в Восточной Германии, Ф. Энгельс писал: «Капиталистический период возвестил в деревне

о своем пришествии как период крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян»¹.

**Формирование
класса буржуазии**

По мере утверждения в недрах феодального общества капиталистического уклада формируются и два новых общественных класса: буржуазия и пролетариат. Термин «буржуазия» происходит от французского слова *bourgeoisie*, которым в средние века назывались жители города (бурга), т. е. средневековые горожане. Однако в процессе исторического развития значение этого термина изменилось; он стал применяться не к средневековым горожанам (буржуа, бюргерам), а к тому классу, который, владея денежными богатствами и средствами производства, эксплуатировал наемный труд.

Первые элементы класса буржуазии возникли в сословии средневековых горожан. Именно их союз с королевской властью помог последней одержать победу над реакционными силами феодально-сепаратистской аристократии и создать крепкие национальные, централизованные государства в Англии, Франции и в других европейских странах. В ходе этой борьбы города потеряли свои вольности и привилегии, но буржуазия как класс образующегося капиталистического общества продолжала богатеть и усиливаться в известной мере под покровительством абсолютной монархии.

Буржуазия сформировалась не в результате простой эволюции средневекового бюргерства, ее основу составили различные социальные слои: накопившие деньги средневековые горожане (купцы, ростовщики, отдельные цеховые мастера), выходцы из городских мелких, преимущественно внецеховых ремесленников, деревенские кустари и даже бывшие наемные рабочие. «Без сомнения, — писал Маркс, — некоторые мелкие цеховые мастера и еще большее количество самостоятельных мелких ремесленников и даже наемных рабочих превратились в мелких капиталистов, а потом, постепенно расширяя эксплуатацию наемного труда и соответственно усиливая накопление капитала, в капиталистов *sans phrase* [без оговорок]»². В состав буржуазии вливалась и формирующаяся буржуазная интеллигенция — юристы, лица свободных профессий, идеологически обосновывавшие притязания крепнувшей буржуазии. Из буржуазии обычно рекрутировались представители чиновной бюрократии (это особенно типично для Франции XVI—XVII вв.).

Наконец, в состав буржуазии, по преимуществу деревенской, переходила зажиточная прослойка крестьянства, превращавшаяся в капиталистических фермеров. Сближался с буржуазией и тот слой дворянства, который приобщался к капиталистическим формам ведения сельского хозяйства. Больше всего это явление было распространено в Англии, где земельные владения значительной части нового дворянства представляли собой в XVII в., по существу, уже не феодальную, а буржуазную собственность.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 341.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 759.

Итак, формировавшийся в недрах феодального общества класс буржуазии качественно отличался от средневекового сословия горожан, бюргерства. Бюргерство было органическим элементом феодального общества. Нарождавшийся класс буржуазии выступал носителем новых, прогрессивных для того времени капиталистических производственных отношений, и ему исторически предназначалась роль гегемона в грядущих буржуазных революциях. И наоборот, остатки средневекового бюргерства и городского патрициата, закосневшие в своей средневековой сословной исключительности, превращались в реакционную силу, вместе с феодальным дворянством преграждавшую путь прогрессивному развитию общества.

**Начало формирования
класса пролетариата**

Выше уже говорилось о жестоких варварских способах осуществления массовой экспроприации мелких самостоятельных производителей, крестьян и ремесленников, составивших впоследствии армию наемного труда — ядро нарождавшегося пролетариата. Пролетариат прошел долгий путь развития и стал классом не сразу: о пролетариате как классе можно говорить лишь с момента появления фабричного производства.

Масса экспропрированных мелких самостоятельных товаропроизводителей, пройдя путь бродяжничества, постепенно вливалась в капиталистически организованные отрасли промышленности и сельского хозяйства, вовлекалась в производительную деятельность. В тех же странах, где процесс первоначального накопления не сопровождался соответствующим по масштабу развитием капитализма (Испания, Португалия, Италия), значительная часть экспропрированных мелких товаропроизводителей из поколения в поколение влачила существование деклассированных пауперов. В мануфактурный период развития капитализма удельный вес мануфактуры в общественном производстве оставался сравнительно небольшим, она еще не порвала пут, связывавших ее с формами производства, унаследованными от средневековья. К их числу относится связь мануфактуры, особенно рассеянной, с надомничеством, а также сохранение мануфактурными рабочими земельных участков. Господство ручного труда подразумевало сравнительно высокую производственную квалификацию мануфактурных рабочих, «иерархию рабочих сил, которой соответствует шкала заработных плат»¹.

Эти моменты разбедниюще влияли на массу мануфактурных рабочих. Мануфактурный пролетариат еще очень далек от обладания тем классовым сознанием, которое свойственно «выварившемуся в фабричном котле» пролетарию. Тем более это относилось к сельским батракам, обреченным самими условиями труда на еще большую забитость, темноту и разобщенность. Именно поэтому пролетариат мануфактурного периода называют обычно предпролетариатом. Одним из путей его формирования было разложение средневековых форм ремесленного цехового производства и средневекового сословия горожан. Закрытые корпорации цеховых мастеров в XVI—XVII вв.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 362.

повсеместно низвели цеховых подмастерьев до положения, близкого к положению пролетариев. Часть цеховых мастеров разорилась под влиянием конкуренции мануфактур. Разорилась и известная прослойка других выходцев из среды бюргерства, выбитая происшедшим переворотом из привычной колеи экономической жизни средневекового города.

Все эти группы — обедневшие цеховые мастера, подмастерья и экспроприированные крестьяне, приближавшиеся к пролетариям, но не достигшие еще положения пролетариата в собственном смысле этого слова, — вместе с мануфактурными рабочими составляли в целом те низшие слои городского населения, которые именовались плебсом. Характеризуя социальный состав городской плебейской оппозиции в Германской империи накануне Крестьянской войны 1525 г., Энгельс писал: «Она соединяла в себе разложившиеся составные части старого феодального и цехового общества с еще не развившимся, едва пробивавшимся наружу пролетарским элементом зарождающегося современного буржуазного общества»¹.

В экономически более развитых странах (Нидерланды, Англия), где капиталистическое мануфактурное производство было в XVI в. распространено шире, «зарождающийся пролетарский элемент» в лице работников мануфактур был значительно сильнее, чем в Германской империи.

Предпролетариат, состоявший из наемных рабочих мануфактур и выброшенных с насиженных мест крестьян, которые добывали себе в городах пропитание поденной работой, не требовавшей принадлежности к цехам, составлял наиболее революционную часть плебейской оппозиции.

Тем не менее неоднородность состава городского плебса влияла на характер его социальных выступлений, делала их неустойчивыми. Разорившиеся мелкие цеховые мастера и бюргеры, связанные своими сословными и корпоративными привилегиями с феодально-корпоративным городским строем, нередко увлекали за собой цеховых подмастерьев, приближавшихся к предпролетариату, но еще мечтавших достигнуть привилегированного положения мастера цеха. В таких случаях в ходе восстаний эти слои выдвигали реакционные требования: восстановление монополии городского цехового ремесла, запрет сельских побочных промыслов, сохранение феодальных сеньориальных прав города по отношению к прилегающей сельской округе и т. п.

В течение XVII—XVIII вв. предпролетариат получил дальнейшее развитие, но все же он не мог еще играть роль руководящей силы в ранних буржуазных революциях.

Возникновение классов буржуазии и пролетариата неизбежно влекло за собой зарождение новых форм классовых противоречий, чуждых феодальному обществу в его классической форме, — классового антагонизма между пролетариатом и буржуазией. Но «резкий антагонизм между буржуазией и народом возникает, естественно,

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 355.

лишь с того момента, как только буржуазия перестает противостоять дворянству и духовенству в качестве третьего сословия»¹, т. е. практически после свершения буржуазной революции.

Великое значение появления пролетариата заключалось в том, что в его лице зародился могильщик самой буржуазии, историческая миссия которого — уничтожение всякой эксплуатации человека человеком и построение коммунистического общества.

Новые формы идеологии

Вместе с формированием классов буржуазии и пролетариата развивались формы идеологии, отражавшие потребности этих новых классов общества. Оба класса были еще незрелы, связаны многими нитями с феодальным обществом, с его господствующей формой идеологии — религиозной доктриной католицизма и носителем ее — католической церковью. Поэтому и новые формы идеологии, отражавшие интересы нарождавшейся буржуазии, чаще всего приобретали в то время религиозную окраску.

Большую роль в борьбе с господствующей феодальной идеологией сыграли гуманизм и Возрождение (см. т. 1, гл. 22). Реформационное движение (названное так потому, что в ходе его на первый план выдвигалось требование реформы католической церкви и культа) прямо облеклось в идеологическую форму религиозных верований — лютеранства, цвинглианства и кальвинизма. Два первых течения дали идеологическое оружие широкому общественному движению прогрессивных слоев в Германской империи и Швейцарии в XVI в. Кальвинизм, в котором на первый план выдвигался буржуазный характер Реформации, стал идеологией самой смелой части тогдашней буржуазии, знаменем нидерландской буржуазной революции XVI в. и английской XVII в.

Смутные социальные чаяния нарождавшегося пролетариата, выступавшего самостоятельно в широких общественных движениях изучаемого периода, также принимали религиозную форму — анабаптизма или близких к нему радикальных течений. Эти течения примыкали к народной Реформации, идеологии которой, например Томас Мюнцер, выдвигали такие требования, как низвержение путем народного восстания феодального строя, социальное равенство всех людей, установление «общности имуществ». При этом идеологи народной Реформации не ограничивались абстрактным изложением своих идей, а связывали их с интересами угнетенных слоев феодального общества — городского плебса и крестьянства.

Требования социального равенства и создания идеального общества будущего нашли свое отражение в «Утопии» выдающегося английского гуманиста Томаса Мора и «Городе Солнца» итальянского мыслителя и борца Томмазо Кампанеллы. Идеи этих мыслителей гениально предвосхищали некоторые черты будущего коммунистического общества. Но такие примитивные, уравнилельные коммунистические мечтания, как подчеркивал В. И. Ленин, «превратились в социалистическую борьбу миллионов людей только тогда, когда на-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 321.

учный социализм Маркса связал преобразовательные стремления с борьбой определенного класса»¹.

Абсолютная
монархия
XVI—XVII вв.

Процессы, происходившие внутри феодального общества, отразились на соотношении классовых сил, содержания и формах классовой борьбы, что сказалось и на характере политической надстройки — феодальном государстве. Изменение форм феодальной зависимости в деревне изменило отношения дворян и крестьянства. Поскольку феодальная собственность на землю продолжала существовать, крестьянин оставался в феодальной зависимости от дворянина. Он платил ему ренту, а церкви десятину, судился по ряду дел в суде сеньора, нес мелкие натуральные повинности, был со словом неполноправен.

Но феодально зависимые крестьяне XVI—XVII вв. отличались от типичного средневекового крепостного: они были преимущественно лично свободными во Франции, Англии, Нидерландах, Скандинавских странах. Подавляющее большинство крестьян платили ренту своим сеньорам в денежной или смешанной форме. В связи с этим возросла хозяйственная самостоятельность крестьян-товаропроизводителей. Следует отметить, что выгодами, вытекавшими из происходивших перемен, пользовалась в основном зажиточная верхушка крестьянства. Для большинства же крестьян, попадавших в долговую кабалу к ростовщикам и сельским мироедам из-за необходимости уплатить в срок все налоги и повинности, новое положение вещей означало лишь рост тягот и неминуемое разорение. Поэтому в XVI—XVII вв. отмечается резкое обострение противоречий в деревне.

Изменилось и положение дворянства. Его доходы от феодальной ренты неуклонно падали. Попытки хозяйничать в своих имениях и конкурировать с капиталистическим фермером обычно кончались крахом, если феодалы сами не прибегали к капиталистическим методам ведения хозяйства, подобно представителям «нового дворянства» в Англии. Росло могущество королевской власти. Опираясь на помощь городов и развивавшейся буржуазии, она вела успешную борьбу с сепаратизмом феодальной аристократии.

Следствием указанных изменений было, с одной стороны, усиление натиска феодалов на крестьянство в форме произвольного увеличения ренты и других повинностей, а то и открытого разбоя; с другой — острая борьба внутри самого класса феодалов между его различными группировками за власть и методы решения вопроса о формах эксплуатации крестьянства и характере государственного устройства. С этим мы встретимся при изучении таких событий, как Реформация в Германии, так называемые религиозные войны во Франции, восстание коммунаров в Испании.

Классовые противоречия приобрели особую окраску и остроту с началом борьбы буржуазии против феодалов. В сложившихся условиях политическая надстройка феодального общества, созданная для

сохранения господства класса феодалов, должна была изменить свои формы, приспособиться к новым задачам.

В тех странах, где капиталистическое развитие имело наибольшие успехи (в первую очередь в Англии и во Франции), возникает абсолютная (неограниченная) монархия, сыгравшая на первых этапах своего существования прогрессивную роль. «...Абсолютная монархия, — писал Маркс, — возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой»¹.

Несмотря на то, что королевский абсолютизм играл на противоречиях между дворянством и буржуазией и опирался то на дворянство, то на буржуазию, он оставался формой диктатуры дворянского класса в изменившихся исторических условиях. Известная самостоятельность действий королевской власти отражала лишь специфику расстановки классовых сил, а также взаимоотношения между господствующим классом и политической надстройкой. Характеризуя эту особенность абсолютизма, Энгельс писал: «В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая держит в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга...»².

Отличительной чертой абсолютизма как формы государственного устройства является нераздельная принадлежность верховной власти в стране монарху — королю, царю, императору. Он издает законы, назначает чиновников, устанавливает налоги и самовольно расходует собранные деньги. Абсолютный монарх опирался на постоянную армию, полицию, огромный централизованный бюрократический аппарат. Поэтому абсолютизм есть самовластие чиновников и полиции и бесправие народа. В тех европейских странах, в которых установился абсолютизм, достигший своего расцвета в XVI—XVII вв., даже унаследованные от средневековья сословно-представительные учреждения (Генеральные штаты во Франции, парламент в Англии и т. д.) либо становятся послушным орудием абсолютного монарха, либо вообще перестают созываться.

Классовой базой абсолютизма было феодальное дворянство. Его интересы прежде всего защищал абсолютизм. Но само дворянство в этот период видоизменилось. Феодальная аристократия, сопротивлявшаяся установлению абсолютизма, частично была истреблена, частично превратилась в аристократию придворную, дав себя купить пенсиями, подачками и доходными синекурами.

Главной опорой королевского абсолютизма были мелкие и средние дворяне, составлявшие ядро его армии. Абсолютная монархия

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 45.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 306.

² Маркс К. и Энгельс Ф., т. 21, с. 172.

значительно увеличила налоги, главная тяжесть которых падала на плечи народных масс. Часть налоговых поступлений монарх распределял среди дворянства в форме жалованья, пенсий и наград. В ряде стран абсолютная монархия добилась уничтожения самостоятельности церкви, увеличив свою власть и получив одновременно возможность распоряжаться частью или всеми церковными землями. Абсолютная монархия железом и кровью подавляла все попытки борьбы угнетенных классов и сословий, что было главной ее задачей и для чего она располагала неизмеримо большими средствами, чем феодальное государство предшествующего периода.

Вопрос об отношении абсолютизма XVI—XVII вв. к буржуазии является не вопросом о его классовой сущности, а вопросом о его политике по отношению к новому возвышавшемуся классу. Абсолютная монархия опиралась на поднимающуюся буржуазию в борьбе против феодальной аристократии, за объединение страны и уничтожение феодальных смут. Она использовала развитие мануфактуры, особенно в отраслях, обслуживавших потребности армии, для укрепления вооруженных сил феодального государства. Росту финансов абсолютизма способствовали и значительные дополнительные доходы, которые он путем налогообложения извлекал из развития промышленности и торговли. Система постоянных налогов, собираемых без помощи сословно-представительных учреждений, укрепила положение абсолютизма. Все это в целом делало абсолютизм очень действенной формой надстройки, использовавшей буржуазное развитие в своих интересах и для сохранения позиций господствующего класса феодалов.

Важным инструментом в руках абсолютизма и одновременно средством использовать буржуазию в качестве противовеса дворянству служила бюрократия, которая комплектовалась главным образом из представителей буржуазии и была тесно связана с ней. «Бюрократия, — писал Ленин, — была первым политическим орудием буржуазии против феодалов, вообще против представителей «стародворянского» уклада, первым выступлением на арену политического господства не породистых землевладельцев, а разночинцев, «мещанства»...¹. Поскольку на первых порах буржуазия была полезной абсолютизму как в политической, так и в экономической областях, он покровительствовал ей. Внутри государства монархи в XVI и XVII вв. поощряли мануфактуры и торговлю выдачей ссуд, протекционизмом, уничтожением стеснительных внутренних пошлин и сборов, унификацией монетного дела и системы мер и весов и т. п. На международной арене они защищали интересы национальной буржуазии, проводя политику меркантилизма и торговых войн.

Абсолютная монархия XVI—XVII вв. могла использовать буржуазию в своих целях потому, что сама буржуазия нуждалась на этом этапе своего развития в поддержке сильного государства и готова была служить ему. В своей политической борьбе с дворянством она не преследовала еще цели ниспровержения феодального строя,

а добивалась отдельных уступок, способствовавших ее возвышению и обогащению: снижения налогов, обложения налогами дворянства и духовенства, пресечения феодальной реакции и феодального сепаратизма и т. д. Буржуазия поддерживала королевский абсолютизм, поскольку он использовал аппарат насилия для проведения экспроприации непосредственных производителей, издавал кровавые законы против экспроприированных, давал ей наживаться на государственных займах, откупах налогов, протекционизме. Делалось все это за счет ограбления народных масс и прежде всего крестьянства.

В своей классической форме в описываемый период абсолютная монархия сложилась во Франции и Англии. В Испании, Швеции и других государствах как структура абсолютной монархии, так и политика абсолютизма отличались своеобразием.

В некоторых европейских государствах в XVI—XVII вв. установился режим феодальной реакции. В сфере экономической это находило выражение в возврате к крепостничеству; в сфере политической — в ослаблении государственной централизации и королевской власти, в торжестве феодальной раздробленности и анархии в их худшем виде. В худшем потому, что народы этих стран в условиях существования по соседству с ними мощных абсолютистских государств становились объектом грабежа со стороны последних. Такая линия экономического и политического развития восторжествовала в Польше, Германской империи, странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Здесь начавшие развиваться капиталистические отношения и их носительница — буржуазия — были задушены силами феодальной реакции, оказавшейся более могущественной в это время. В Пруссии, Австрии и других странах впоследствии сложился абсолютизм, но в специфических формах, в период, выходящий за хронологические рамки изучаемой эпохи.

Возникновение наций

Третий период феодализма характеризуется еще одной особенностью. К этому времени на основе растущих экономических связей, постепенного формирования капиталистического уклада большинство стран Западной Европы сплавиваются территориально, происходит складывание общего для каждой страны языка, общей культуры, что создает условия для возникновения наций. Укрепление централизованных государств способствовало этому процессу. Совпадение по времени процесса национальной консолидации и политической централизации в таких странах, как Франция и Англия (без Ирландии), привело к образованию там таких государств, в которых абсолютное большинство населения принадлежало к одной нации, а представители других наций или народностей не составляли сколько-нибудь значительных групп.

Иной была обстановка в Восточной Европе. Здесь капитализм либо не развивался совсем, либо существовали его зачаточные формы, а исторические условия жизни народов, населявших эти территории, привели к созданию централизованных государств, населенных несколькими или многими народностями. Так, например, в Австрийской Габсбургской монархии XVI—XVII вв. формировавшаяся

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 439.

ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

ся австрийская нация уже в то время претендовала на господствующую роль, угнетала другие народы (чехов, венгров) и препятствовала их прогрессивному национальному развитию.

В изучаемый период процесс образования наций еще не завершается. Это уже задача последующего периода, когда «национальное государство есть правило и «норма» капитализма, пестрое в национальном отношении государство — отсталость или исключение»¹.

**Первые акты
буржуазной революции
в Европе**

Временный союз буржуазии с абсолютизмом и относительно мирное существование капиталистического уклада в недрах феодального общества не были долговечны. Наступил момент, когда развитие капиталистического уклада, а с ним и класса буржуазии начинало угрожать существованию феодального строя. Тогда абсолютизм, опираясь на реакционное феодальное дворянство, коренным образом изменяет свою политику. Он становится преградой на пути дальнейшего развития торговли и промышленности, начинает использовать силы феодальной реакции для подавления и ограбления буржуазии. Конфликт охватывает все сферы жизни общества: экономическую, социальную, политическую, идеологическую. В этих условиях буржуазия, на заре буржуазной революции выступавшая как передовой класс, берет на себя руководство антифеодальной борьбой городского плебса и феодально эксплуатируемого крестьянства — совершается буржуазная революция. Крестьянство и городской плебс, заинтересованные в уничтожении феодализма, составляли главную движущую силу ранних буржуазных революций. Их целью было ниспровержение феодального строя и феодальных производственных отношений, создание новых, буржуазных производственных отношений и буржуазных форм государства.

Первой неудавшейся попыткой буржуазной революции в рамках рассматриваемого периода была Реформация и Крестьянская война в Германии. Нидерландская буржуазная революция 1566—1609 гг., принявшая форму войны за независимость от испанского владычества, была успешной. Ее результатом явилось образование первой в Европе буржуазной республики Соединенных провинций (Голландия). Но эта и последующие буржуазные революции, несмотря на их прогрессивное значение, были революциями меньшинства. Они не устранили эксплуатацию, а лишь заменили господство феодалов господством буржуазии.

Капиталистическая система хозяйства создает условия для неизмеримо большего роста производительных сил и производительности труда, чем феодальная. Но капитализм зиждется на жестокой эксплуатации народных масс кучкой капиталистов. На этой базе развивается основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения, между трудом и капиталом, между пролетариатом и буржуазией. Таковы главные процессы, лежавшие в основе третьего периода средневековья.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 263.

**Причины великих
географических
открытий**

Великие географические открытия были следствием развития производительных сил феодального общества, роста товарно-денежных отношений, разлагающих систему феодальных производственных отношений, роста торговых связей европейских стран со странами Востока.

С развитием товарно-денежных отношений деньги приобретают огромное значение, они становятся средством удовлетворения все возрастающих потребностей и главным видом богатства.

Пенящая жажда золота усиливалась под влиянием роста торговли, требовавшей большого количества звонкой монеты; много денег уходило за пределы Европы в уплату за восточные товары, ввоз которых неуклонно возрастал. В результате все острее чувствовался недостаток благородных металлов. В Европе возможностей для удовлетворения жажды золота не было, зато за ее пределами, по представлениям европейцев, таились неисчерпаемые богатства.

Богатейшей страной европейцам казалась Африка, откуда через средиземноморские города купцы привозили в Европу золото, добываемое в Сенегале и в бассейне Нигера. Здесь, на территории Сенегала, Мали, Верхней Вольты, Нигерии, с VII по XV в. образовалось несколько богатых государств — Гана, Мали, Сонгаи. Города этих стран, в особенности Тимбукту на Нигере — крупный центр исламской культуры, вели со Средиземноморьем через Сахару оживленную торговлю, в которой вывоз золотого песка занимал большое место. В рассказах купцов золотые запасы Африки принимали фантастические масштабы.

Китай, Индия, Индо-Китай, Индонезия считались сказочно богатыми и нередко именовались «Индиями». Это название в ряде случаев относилось вообще к неведомым заморским странам и далеко не всегда обозначало реальную Индию, откуда Европа действительно получала шелк, пряности и т. п. Все эти смутные представления сыграли немалую роль в географических открытиях XV и XVI вв., ибо они побудили мореходов к настойчивым попыткам добраться до воображаемых и действительно существующих стран.

В поиски за африканским золотом устремились в XV в. португальские моряки. Они полагали, что золото в Африке добывалось на отмелях больших рек, впадающих в Атлантический океан, в частности в устье одной из них недалеко от мыса Бохадор. Казалось поэтому вполне возможным добраться до Золотой реки, следуя по морю вдоль западного побережья Африки.

В XIV—XV вв. в Португалии были развиты торговля и мореходство. Этому способствовали связи португальцев с богатым и предприимчивым арабским купечеством, начавшиеся еще в XII в. Португальцы ознакомились с арабской математикой, географией и картографией, что оказалось особенно важным для дальнейших морских предприятий. Они стали строить каравеллы, новые мореходные суда, легкие на волне, способные плыть против ветра и более быстросходные, нежели итальянские средиземноморские нефы.

Деятельное участие в португальской морской торговле приняли многочисленные купцы и моряки, переселившиеся в Португалию из Италии, в первую очередь из Генуи, поскольку в XV в. из-за турецких завоеваний генуэзским купцам восточную торговлю пришлось вести через Александрию, где, как и во всем Восточном Средиземноморье, господствующее положение занимали венецианцы. Сокращение торговли и мореходства заставило генуэзских купцов и моряков искать счастья на чужой стороне. Следует отметить, что Колумб и Каботто (Кабот) были выходцами из Генуи.

К поискам и захвату заморских земель побуждали Португалию, а также Испанию причины внутреннего характера: реконкиста в этих странах закончилась, и большая часть воинственного и бедного дворянства, жаждавшего наживы и военных авантур, осталась без дела. Что же касается Африки, то экспедиции на этот богатый и неведомый континент диктовались еще и военными соображениями, так как мавры с северо-западного Африканского побережья продолжали пиратские налеты на испанские и португальские корабли, а порой и на прибрежные города Пиренейского полуострова.

В 1415 г. португальцы взяли на североафриканском берегу Сеуту, важный пункт на торговых путях, по которым, в частности, шло золото к Средиземному морю. Овладение Сеутой принято считать началом португальской колониальной экспансии. Португальские купцы и купцы-эмигранты из других стран стали снаряжать морские экспедиции, имевшие целью разыскать заморское золото. Этим предприятиям с большой выгодой для себя покровительствовал брат португальского короля, принц Генрих, прозванный историками XIX в. «Мореплавателем».

Торговые компании португальцев получали с помощью Генриха монополию торговли во вновь открываемых областях и быстро наживались. Самой выгодной «торговлей» оказались грабеж местного населения и работорговля, именно это заставляло португальцев все дальше продвигаться вдоль Африканского побережья. За тридцать лет они достигли западной оконечности Африки. Нет никаких данных о том, что португальцы преследовали с самого начала цель отыскать морской путь в Индию. Такую цель они могли поставить перед собой только после того, как вошли в Гвинейский залив, где Африканское побережье круто уходит на восток, т. е. около 1460 г.

Продвижению вдоль западного берега Южной Африки, к югу от Гвинейского залива, препятствовали сильные встречные течения. Чтобы избежать их, мореплаватель Бартоломей Диас в 1486 г., достигнув тропика Козерога, отошел от берега далеко в море, прямо

на юг, и, сделав большую дугу, вышел к южной оконечности Африки. Убедившись, что дальше берег имеет северо-восточное направление и что ему действительно удалось обогнуть материк, Диас на обратном пути обогнул мыс Доброй Надежды, назвав его именно так, и в декабре 1487 г. после 16-месячного плавания вернулся в Лиссабон. Задача пройти часть пути в Индию, от мыса Доброй Надежды до Мадагаскара, была решена в 1498 г.

Открытие Америки Одновременно с продвижением вдоль западных берегов Африки начинаются, вероятно при участии итальянских моряков, плавания португальцев далеко в открытый океан — на юго-запад и запад. В 20-х годах XV в. португальцы утвердились на островах Мадейра, в начале 30-х годов — на Азорах, а в 1456 г. дошли до островов Зеленого Мыса.

Перешлыть Атлантический океан и открыть земли Западного полушария удалось в 1492 г. Христофору Колумбу. Многие факты биографии Колумба, а также его географические представления нельзя считать твердо установленными. Теперь общепризнано, что Колумб — итальянец, родившийся в 1451 г. под Генуей в семье ткача. Систематического образования он не получил. В 1474—1475 гг. плавал в Восточное Средиземноморье. Около 1476 г. попал в Португалию, вероятно, как агент одного из генуэзских торговых домов, в следующем году посетил Англию, а с 1479—1481 гг. жил на Мадейре и на соседнем острове Порту-Санту, где женился на дочери моряка, от которого осталось много морских карт, дневников, заметок.

В 1483 г. начались переговоры Колумба с Португалией о снаряжении большой морской экспедиции. Португальское правительство отказало Колумбу, очевидно, потому, что оно едва ли могло заинтересоваться новой авантюрой в момент, когда открытие пути к вполне реальной богатейшей Индии было столь близким к осуществлению. Потерпев неудачу, Колумб перебрался в Испанию (ок. 1485) и здесь после длительных переговоров, при поддержке влиятельных приближенных короля и богатейших испанских купцов добился от королевской четы — Фердинанда и Изабеллы — согласия на экспедицию. Король и королева пожаловали Колумбу титул адмирала и вице-короля всех земель в «море-океане, которые он откроет и приобретет».

Судя по составу книг библиотеки Колумба и его пометкам на них, он читал «Путешествия» Марко Поло и особенно внимательно изучал трактат сторонника гипотезы о шарообразной форме Земли французского епископа Пьера д'Альи «Зеркало мира», представлявший собой сводку географических и космографических знаний как античных, так и средневековых авторов. Колумб, как предполагают, намеревался, двигаясь по морю на запад, добраться до «Индий» — так называли тогда Азию. Эта мысль могла быть подсказана Колумбу итальянским космографом Тосканелли, с которым Колумб находился в переписке (некоторые историки эту переписку считают подложной). Но идея «западного пути» могла возникнуть у Колумба и самостоятельно на основании изученных им трудов космографов и географов.

3 августа 1492 г. эскадра из трех кораблей вышла из испанского порта Палоса, держа курс на Канарские острова, откуда 10 сентября отплыла дальше. Суда отличались высокими мореходными качествами, были технически хорошо снаряжены. Колумб показал себя искусным моряком, он умело использовал ветры и морские течения Атлантики, уже достаточно изученные португальцами. 12 октября Колумб бросил якорь у маленького острова группы Багамских островов; он назвал его Сан-Сальвадор.

Путь в земли Западного полушария был открыт, что имело огромные последствия как для открытых земель, так и для Европы. В этом великое историческое значение плаваний Колумба.

Во время первого путешествия Колумб открыл ряд островов Антильского архипелага, северные берега Кубы, остров Гаити, который назвал Эспаньолой (Маленькой Испанией). Здесь он построил форт Навидад (Рождество), где поселилось 39 его моряков. Это была первая колония европейцев в Западном полушарии. Вскоре форт был разрушен, а поселенцы перебиты индейцами, возмущенными их насилиями. Однако испанцы не отступили. В 1496 г. на южном берегу Эспаньолы был заложен город Сан-Доминго.

Колумб расспрашивал туземцев о золоте. Ясного представления, что именно он открыл и где находится, у него не было и быть не могло. Судя по дневнику, он думал, что находится среди островов, окаймляющих с востока Азию, и тщетно искал прохода между ними к континенту.

4 января 1493 г. Колумб отправился в обратный путь. В Испании он был встречен с большими почестями. На организацию второй экспедиции, предпринятой им в сентябре того же года, были отпущены крупные средства. Во время второго путешествия Колумб открыл Малые Антильские острова. Пройдя вдоль части южного берега Кубы, Колумб снова принял его за южный берег Азии. В 1495 г. он вернулся в Испанию. И в это путешествие Колумб не достиг Американского континента, который европейцы открыли два года спустя — в 1497 г. В мае этого года из Бристоль (Англия) вышел в море Джованни Каботто, генуэзец, осевший в Англии и известный там под именем Джона Кабота. К концу июня он подошел к берегу неизвестной земли, по-видимому Лабрадор, но принял ее за часть Азии. Только в 1498 г. во время третьего путешествия Колумб впервые подошел к Южноамериканскому континенту, к устью реки Ориноко, но на берег не высадился. При виде огромных масс пресной воды у него мелькнула мысль, не открыл ли он неведомый материк, но в своем письме-отчете королевской чете о своем путешествии Колумб эту смелую мысль не высказал.

Между тем португальцы открыли морской путь в Индию, привезли оттуда пряности и другие драгоценные товары. Четвертое плавание Колумба в 1502 г. было прямым ответом на экспедицию Васко да Гама (см. ниже). Двинувшись на юго-запад от острова Кубы, Колумб по-прежнему считал, что достиг Восточного побережья Азии, и настойчиво искал пролив, чтобы пройти к побережью Индии. Однако поиски эти оказались бесплодными.

В общем плавание и открытия Колумба глубоко разочаровали испанское правительство. Большие средства были израсходованы, казалось, совершенно напрасно. Ни золото, ни серебро, ни пряности не потекли в Испанию из вновь открытых заморских стран. Богатства пришли позже, после смерти Колумба (он умер в 1506 г.), которому в последние годы жизни пришлось вести тяжбу за свои права и дарованные ему привилегии с обманутым в своих расчетах испанским правительством.

Открытие морского пути в Индию

После открытия Колумбом новых стран испанцы оказались опасными конкурентами португальцев. Чтобы предотвратить возможность столкновения, оба государства при посредничестве папы после долгих переговоров заключили в 1494 г. соглашение в городе Тордесильясе. От полюса до полюса была проведена черта (приблизительно по 30-градусному меридиану к западу от Ферро) и установлено, что все вновь открытые области к западу от этой черты должны принадлежать испанцам, к востоку — португальцам. Разграничение было проведено только по Атлантическому океану, что и привело позднее к столкновению, когда испанцы, подойдя с востока, а португальцы — с запада, встретились на Молуккских островах.

Продвижение испанцев на запад побудило португальцев возобновить поиски пути в Индию. В 1497 г. во главе экспедиции, снаряженной для этой цели, король поставил Васко да Гама (род. ок. 1460 г.). 8 июня 1497 г. из Лиссабона вышли четыре небольших корабля (два корабля водоизмещением по 120 тонн и два — по 50 тонн). Экспедиция имела самые совершенные для своего времени карты и навигационные инструменты. Дойдя до островов Зеленого Мыса, Васко да Гама, чтобы избежать прибрежных встречных течений, взял курс на юг с большим уклоном на запад, так что прошел довольно близко от Бразилии.

Только через пять месяцев после выхода из Лиссабона каравеллы Васко да Гама дошли до последнего знака, поставленного (16 декабря 1497 г.) Диасом на побережье Африки. Далее шел совершенно неизведанный путь по Индийскому океану. 1 марта 1498 г. португальцы подошли к Мозамбику. Тут начиналась область арабских поселений, находившихся под властью враждовавших между собой шейхов. В городе Малинди Васко да Гама удалось привлечь в качестве лоцмана одного из опытнейших арабских моряков того времени Ахмеда-Ибн-Маджида. Человек с широким кругозором, он составил в стихотворной форме ряд подробных и точных описаний плавания по Индийскому океану (так называемые лоции). И по теоретическим знаниям, и по многолетнему мореходному опыту Ибн-Маджид превосходил даже таких замечательных европейских моряков, как португальцы. Через полтора месяца (20 мая 1498 г.) Ибн-Маджид привел корабли к городу Каликут на Малабарском берегу. Все плавание в Индию продолжалось десять с лишним месяцев. Васко да Гама удалось заключить соглашение с местным раджей. Через год, в июле 1499 г., нагруженная пряностями,

но потерявшая два корабля и больше половины команды эскадра вернулась в Лиссабон.

Колониальные захваты и торговля португальцев в Индии

Впечатление, произведенное путешествием Васко да Гама, было громадным. Несмотря на большие потери в людях и на трудности, морской путь в страны сказочных богатств был наконец найден. Португальцы теперь каждый год стали снаряжать большие эскадры, иногда до 20 кораблей, хорошо вооруженные артиллерией, с большими экипажами и отрядами солдат. Благодаря превосходству вооружения португальцам удалось вытеснить из Индийского океана арабских купцов и захватить в свои руки морскую торговлю: они напали на все встречавшиеся им суда, как арабские, так и индийские, грабили их и зверски истребляли команды. Особенной свирепостью отличался Альбукерке, сначала начальник эскадры, затем вице-король Индии. Он считал, что арабам должны быть закрыты выходы в океан и в опорных пунктах должны укрепиться португальцы. С этой целью Альбукерке захватил остров Сокотру, лежащий у входа в Красное море, и Ормуз — важнейший торговый и стратегический пункт у входа в Персидский залив. Попытка арабов вытеснить португальцев из Индийского океана не удалась, в 1509 г. их флот при Диу (на Северо-Западном побережье Индии) потерпел полное поражение.

Португальцы в самой Индии не захватывали обширных территорий, но стремились овладеть опорными пунктами на побережье. Альбукерке, взяв город Гоа на Малабарском берегу, вырезал все его население и превратил город в главный оплот португальского владычества в Индии. Сопrotивление враждебных раджей было сломлено. Португальцы, обычно вымогая у местных князьков всевозможные торговые льготы, право сбора даней и оброков, жестоко эксплуатировали местное население. Кроме того, князьки должны были доставлять по очень низкой цене перец, гвоздику, корицу, имбирь, мускатный орех, камедь и др. Эти цены нередко были в 200—250 раз ниже цен на рынке в Лиссабоне. Но даже купленные на «вольном» рынке товары, например перец, давали порой 700—800% прибыли. Вывоз строго нормировался — не больше 5—6 кораблей пряностей ежегодно. Торговля с Индией стала монополией португальского короля и приносила огромные барыши.

Укрепившись в Индии, португальцы двинулись дальше на восток, так как города Малабарского берега были лишь транзитными пунктами торговли пряностями, которые приходили с Зондских и Молуккских островов; главным их рынком был порт Малакка. В 1511 г. португальцы взяли Малакку; через десять лет на Молуккских островах появились португальские фактории.

Чрезвычайно помогло португальцам в их продвижении в Индо-пезию знакомство с многовековым опытом замечательных индийских и арабских, а позже и малайских моряков, задолго до прибытия европейцев избородивших по всем направлениям Индийский океан. Но отплатили им за это европейцы колониальными захватами, уничтожением их торговли.

Открытие западного пути в Индию и первое кругосветное путешествие

Та цель, которую обычно приписывают первому путешествию Колумба и которую, вероятно, ставил себе Колумб в своих последующих путешествиях — открытие западного пути в Индию, была достигнута почти 30 лет спустя после его первого плавания. С разрешением этой задачи тесно связано открытие и исследование Восточного побережья Южной Америки. Бразилию открыли, по-видимому, одновременно испанские и португальские моряки в 1498—1499 гг. Итальянский космограф Америго Веспуччи, участвуя в испанской экспедиции под командованием Алонсо Охеды, прошедшей довольно большое расстояние вдоль северного берега Бразилии, уже тогда признал эту землю континентом.

Начальник второй португальской экспедиции в Индию Хуан Кабрал уклонился на своем пути слишком далеко к западу и подошел к побережью Бразилии. Не зная о путешествиях своих предшественников, он принял эту землю за остров, назвал ее землей Истинного Креста (Вера Крус) и объявил владением португальского короля. В мае 1501 г. португальцы снарядили три корабля для обследования этого «острова». В качестве астронома с эскадрой отправился перешедший на службу к португальцам Америго Веспуччи. Вместо ожидаемого острова эскадра наткнулась на длинную линию побережья, тянувшегося к югу. Америго Веспуччи увлекательно описал это путешествие в письме к своему другу Лоренцо Медичи и предложил назвать этот континент, «совершенно неизвестный древним», Новым Светом. Немецкий космограф Вальдземюллер, издав письмо Веспуччи в своем «Введении в космографию», предложил назвать новый континент по имени Америго «Америкой». Под «Америкой», таким образом, подразумевалась тогда восточная часть Южноамериканского континента.

Веспуччи первый высказал мысль о возможности доплыть до Молуккских островов, обогнув с юга вновь открытый материк. Этим проектом очень заинтересовалось испанское правительство, особенно после того, как испанский конкистадор Бальбоа, перейдя Панамский перешеек в 1513 г., увидел впервые «Великое Южное море», т. е. Тихий океан. Мысль открыть пролив в этом море, пересечь его, дойти до островов пряностей и захватить их увлекала испанцев. Его и попытался осуществить Фернанд (Фердинанд) Магальянс (Магеллан). Он принадлежал к португальскому дворянству (родился ок. 1470 г.) и, по-видимому, хорошо знал Индийский океан, проведя в португальских колониях несколько лет, участвуя, между прочим, в экспедиции на Малакку. Но поссорившись с королем, он перешел на службу к Испании и по договору с испанским правительством обязался открыть пролив к югу от нового материка.

20 сентября 1519 г. эскадра из пяти небольших старых кораблей с экипажем в 253 человека вышла из Сан-Лукара. Плавание Магеллана продолжалось два года. Он обогнул Южную Америку через пролив, названный его именем, вышел в Тихий океан и достиг Филиппинских островов, где погиб в стычке с туземцами. Лишь один

корабль под командой д'Элькано пересек Индийский океан и, обогнув Африку, пришел 6 сентября 1522 г. в Сан-Лукар, свершив таким образом первое кругосветное путешествие. Оно стоило больших жертв: только 18 человек шли в торжественной процессии в Севилье.

С появлением испанских моряков в Тихом океане возникла необходимость соглашения между Испанией и Португалией о разграничении и в этих областях. Оно было достигнуто семь лет спустя, в 1529 г. Эксперты не могли точно установить долготу спорных островов. В результате Испания отказалась от своих притязаний на Молукку, но удержала Филиппины, названные так лишь в 1543 г.

Плавание из Европы в Азию через Магелланов пролив являлось труднейшим морским предприятием, и потому юго-западный путь на Молукку не получил практического значения.

Завоевание Мексики и Перу Испанией

Испанцы, обосновавшись на островах Карибского моря, в поисках золота, а иногда и рабов снаряжали экспедиции в окружающие Мексиканский залив континентальные области, а затем двинулись на захват стран, лежащих к югу от него. Области эти — Мексика и Перу — занимали два крупных племенных объединения: во главе с ацтеками в Мексике и инками в Перу.

Население Мексики вручную обрабатывало землю каменными и деревянными орудиями, сажало манс, бобы, какао, табак, хлопчатник, агаву (для волокна), кактусы. Земля находилась во владении родовой общины. Лошадей и рогатого скота мексиканцы не знали. Они искусно обрабатывали золото, серебро, самородную медь, но плавить металлы не умели и не знали бронзы. Мексиканцы изготавливали отличную посуду, но без помощи гончарного круга, искусно раскрашивали тонко выделанные хлопчатобумажные ткани.

Вопрос об общественном строе мексиканцев не решен окончательно. Известно, что в момент прихода европейцев у них существовали большие семейные общины, обитавшие в обширных домах. Все управление племенем находилось в руках советов выборных родовых старейшин. У мексиканцев было распространено рабство. (Испанцы-очевидцы говорят о настоящих невольничьих рынках.) Выделилась не только родовая, но и военная знать. Ее представители получали и больший земельный надел, и долю во вновь завоеванных землях. Покоренные ацтеками племена платили дань, несли различные повинности и должны были давать людей для человеческих жертвоприношений.

Государство ацтеков сложилось лет за сто до прихода европейцев, когда это племя, обитавшее в Южной Мексике, подчинило себе соседние племена, а затем распространило свою власть до побережья Тихого океана. Из неприступного, построенного посреди озера главного города Теночтитлана ацтеки силой держали обширную страну в страхе и повиновении. Жестоко эксплуатируя ее, они накопили большие богатства. Покоренное население ненавидело завоевателей. Непрерывно происходили восстания порабощенных племен. В них испанцы нашли на первых порах союзников.

Экспедициям испанцев, посланным в 1516—1518 гг. в западном направлении, удалось проплыть вдоль Юкатана, Южного и Западного побережья Мексиканского залива и вступить в сношения с местными «князьками». Здесь европейцы выяснили, что дальше на запад лежит богатейшая страна, изобилующая драгоценностями. Для захвата ее снарядили в 1519 г. экспедицию, во главе которой был поставлен молодой идальго Фернанд (Фердинанд) Кортес (1485—1547). Бывший студент-юрист Саламанкского универси-

тета, увлеченный рассказами о приключениях и горах золота в Новом Свете, Кортес в 19 лет отправился на Эспаньолу. Более образованный, чем большинство осевших тут авантюристов, хорошо владевший пером и речью, предприимчивый и храбрый, он преуспел на службе и разбогател: был секретарем вице-короля, участвовал в набеге и карательных экспедициях против туземцев, получил землю сначала на Эспаньоле, затем на Кубе, где стал алькальдом — правителем города Сант-Яго. Он за свой счет снарядил один из кораблей экспедиции.

Отряд, с которым Кортес в 1521 г. отправился на покорение Мексики, состоял из 400 испанских солдат (в том числе 16 всадников), 200 индейцев и имел 10 тяжелых и 3 легкие пушки. Впоследствии Кортес получил подкрепление. Этими незначительными силами испанцы рассчитывали подчинить себе большую страну. И это им удалось, так как держава ацтеков была очень слаба.

Мексика оправдала надежды испанцев, жадно искавших благородные металлы. В ее земле оказались богатые залежи золота и серебра.

Завоевание Перу тоже осуществил отряд авантюристов.

Население Перу стояло на несколько более высоком уровне развития, чем мексиканское. Инки — одно из племен, обитавших в Перу, незадолго до прихода европейцев (1538) покорили ряд соседних племен. Образовалось многоплеменное объединение. Во главе его стоял верховный инка — царь и жрец, окруженный ореолом божественного происхождения. Он считался верховным собственником всей земли. В руках его чиновников, собиравших подати с покоренного населения, находилась оросительная система. Отдельные области страны соединялись со столицей Куско дорогами, проведенными с большим искусством по гористой, а местами тонкой территории. Действовала государственная почта — скороходы.

Подчиненное инками население управлялось местными старостами, сотенными начальниками и племенными вождями, но во главе их стояли начальники из инков. В завоеванных землях инки ставили крепости с гарнизонами. Население занималось земледелием и скотоводством. Землей владели общины; ежегодно происходили переделы паши и пастбищ; наследственной была только усадьба. Часть земель была выделена в пользу правительства и жрецов. Обрабатывали землю мотыгой; не лошадей, не крупного рогатого скота перуанцы не имели. Единственным домашним животным была лама, которую использовали как вьючное животное; ламы также давали шерсть и мясо.

У перуанцев было довольно развитое ремесло, в особенности керамическое производство и ткачество, а также горное дело и металлургия. Они не знали железа, но хорошо обрабатывали медь, бронзу, олово, серебро. Завоеватели-инки занимали привилегированное положение, они были только вснами и правителями. Покоренные племена платили им дань натурой и выполняли разные работы. Эксплуатировался и труд рабов.

Памятники изобразительного искусства инков восходят к XII—XIII вв. н. э. Сохранились монументальные архитектурные памятники из тесаного камня, показывающие, что инки были искусными строителями. Они изобрели узелковое письмо (кипу), которому знатная молодежь обучалась в столичной школе, где изучали также астрономию (инки знали календарь), медицину, законы и обычаи страны и общегосударственный язык кечуа.

Так же как и в Мексике, покоренное население Перу было недоброжелательно господством инков, и это, а также военное превосходство испанцев облегчили им захват страны. После того, как Бальбоа перешел Панамский перешеек и открыл Тихий океан, испанцы стали

обосновываться на его побережье в этом районе (названном Золотой Кастилией).

В 1519 г. на Панамском перешейке была основана испанская колония Панама, из которой испанцы и начали наступление на «изобилующую золотом страну «Биру» — Перу. Она была захвачена одним из ближайших сподвижников Бальбоа Франциско Писарро. Бывший в молодости пастухом в Испании, конкистадор Писарро участвовал во многих экспедициях и набегах испанцев на Карибское побережье Южной Америки. В 20-х годах он со своим товарищем Альмагро (будущим завоевателем Чили) снарядил несколько разведывательных экспедиций из Панамы вдоль Тихоокеанского побережья Южной Америки, которые подтвердили слухи о богатом южном государстве. Заручившись согласием испанского короля, Писарро в начале 1531 г. двинулся на трех кораблях из Панамы, имея всего 130 человек и 37 лошадей (потом он получил подкрепление, но никогда не располагал более чем 500—600 воинами). Используя внутреннюю борьбу за престол и вероломно захватив в плен царствовавшего инку, Писарро овладел столицей государства инков. Население попало под власть испанского короля.

При захвате страны сказочные сокровища, накопленные в храмах и дворцах, были разграблены испанцами. Господство испанцев стерло с лица земли старинную богатую культуру инков. В горной части страны, в Потоси (ныне территория Боливии), в 1545 г. были открыты богатейшие залежи серебра. Массы туземного населения, согнанного испанцами на их разработку, погибли на рудниках.

Географические открытия 1550—1650 гг.

Описанные путешествия и открытия представляли собой первый и важнейший этап проникновения западноевропейцев за пределы Европы. Помимо внутренних частей открытых земель совершенно неизвестными оставались Австралия и омывающие ее моря, вся северная часть Тихого океана, почти вся Северная Америка, необозримые пространства Северной Азии и омывающий ее Северный Ледовитый океан.

Во второй половине XVI в. и в XVII в. в географических открытиях все большую роль начинают играть англичане и голландцы. Очень важные открытия делают русские мореходы и «землепроходцы». Важнейшим было открытие Австралии. Географы и картографы XVI в. полагали, что для «уравновешивания» огромных масс суши Северного полушария в Южном полушарии должен существовать большой континент. Его нередко изображали в фантастических очертаниях на испанских и португальских картах первой половины XVI в.

«Австралия», т. е. «Южная», земля особенно интересовала испанских колонизаторов Южной Америки. Они рассчитывали найти там богатые залежи золота и серебра и многочисленное чернокожее население — рабочие руки для их американских рудников и плантаций. На поиски «Южной» земли в конце XVI и начале XVII в. было снаряжено из Перу несколько экспедиций, открывших ряд островов в южной части Тихого океана. Действительная же Австралия была открыта в начале XVII в. голландцами. В 1619 г. на острове Ява они

основали город Батавию. Плававшая на юг от Зондских островов, голландские моряки ознакомились со всем Западным побережьем Австралии и половиной Южного, но принимали ее за часть «Полярной земли». В 1642 г. Абель Тасман, выйдя из Батавии, обогнул Австралию и открыл большой остров, названный им Землей Ван-Димэна (ныне Тасмания). Однако новый континент долгое время не вызывал особенного интереса: бедная, малонаселенная страна не сулила каких-либо богатств.

Северная часть Тихого океана оставалась в общем неизвестной западноевропейским мореплавателям. Но в середине XVI в. иезуиты проникли в Японию.

Западный берег Северной Америки также долгое время не был известен европейцам. Только во второй половине XVIII в. испанцы прошли вдоль Калифорнии на север и достигли 58-й параллели. Но их тут опередили русские.

Тщетными остались упорные попытки англичан и голландцев дойти до Зондских и Молуккских островов, обогнув с севера Америку («Северо-западный проход») или Азию («Северо-восточный проход»). Эти пути они считали более короткими и более удобными, поскольку ими не владели португальцы. Двигаясь в западном направлении, английские моряки XVI в. Фробишер и Дэвис и в начале XVII в. Бэффин и Гудсон, дойдя до островов, проливов и заливов, носящих ныне их имена, проникли только в восточную часть американской Арктики; англичане (Ченслер) в поисках северо-восточного прохода в 1553 г. достигли устья Северной Двины, а голландцы (Баренц) в 1590 г. — Новой Земли. Однако все эти районы уже давно были хорошо известны русским мореходам, к помощи которых английские и голландские моряки неоднократно прибегали. Русским мореходам принадлежат большие заслуги в открытии и обследовании берегов Европы и Азии, омываемых Ледовитым океаном.

Колониальная политика западноевропейских стран

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы суть главные моменты первоначального накопления»¹.

Формы эксплуатации местного населения, господствовавшие в течение долгого времени в Испанской Америке, сложились на Эспаньоле в первые же годы владычества испанцев. Пришольцы стали обращать в рабство индейцев. Несколько партий рабов было даже отправлено в Испанию и продано там. Колумб предлагал обратиться в рабство индейцев, указывая на огромные выгоды, которые получит от этого корона, но его предложение не было принято. Индейцев объявили «свободными», и рабство, правда с оговорками, было запрещено. Испанское правительство и католическая церковь не были заинтересо-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 760.

ваны в массовом порабощении или уничтожении индейцев. Церковь рассчитывала на значительное расширение своей паствы, а следовательно, на усиление влияния в колониях и увеличение доходов. Правительство видело в туземцах налогоплательщиков и новых подданных, не отказывалось от непосредственной эксплуатации их труда и вовсе не желало безраздельно отдавать их кастильским поселенцам, которые легко могли бы превратиться в новых непокорных сеньоров. Но колонисты оказались фактически сильнее. Они продолжали охотиться на индейцев и обращать их в рабство под предлогом, что это людоеды. Они закрепостили все туземное население, и обстоятельства вынудили правительство это санкционировать.

Расчеты на огромные доходы, которые потекут из открытых Колумбом стран, рухнули в первые же годы после его плавания. Первоначально Колумб, рисуя в своем воображении громадные золотые богатства на Эспаньоле, обложил все население острова старше 14 лет податью, уплачиваемой золотым песком или хлопком. Вскоре выяснилось, что собирать четыре раза в год требуемое количество золота индейцы совершенно не в состоянии: на Эспаньоле его оказалось немного, да и систематически добывать его индейцы не умели. Поэтому взносы были заменены тяжелой трудовой повинностью на рудниках или на земельных участках, которые жаловались кастильским поселенцам. Такие пожалования, буквально «разделы» (репартимьенто), земель производились на Эспаньоле неоднократно начиная с 1497 по 1514 г. К каждому «разделу» прикреплялось население одной или нескольких индейских деревень, обязанное нести барщину в пользу владельца.

Еще большее распространение получила другая форма закрепощения — «энкомьенда» («вверение» или «патронат»). Король жаловал (буквально «вверял») кастильскому колонисту индейцев — своих «свободных» вассалов — не в вечное владение, а лишь во временное пользование, за что пожалованный («энкомьендеро») уплачивал в казну обычно четвертую часть получаемого дохода. Это фактически полное закрепощение было лицемерно прикрыто заботой «установить более тесные связи между индейцами и христианами», чтобы обратить индейцев в христианство.

Позднее в Мексике и Перу широко практиковались такие же земельные раздачи с прикреплением к земле местного населения.

Поселение европейцев на Антильских островах принесло гибель туземному населению. Непосильный изнурительный труд на плантациях и в рудниках, зверское подавление частых восстаний, эпидемии, голод привели к тому, что на Эспаньоле из миллионного населения после 20 лет испанского владычества осталось всего лишь 10—15 тыс., а к середине XVI в. туземцев на Антильских островах совершенно не стало.

Для пополнения все возрастающего недостатка в рабочих руках уже с 1501 г. на острова стали ввозить негров из Африки. В 1518 г. был заключен первый договор (асиенто) на ввоз негров. Число негров-невольников стало быстро расти. Они были более приспособлены к физическому труду, чем местное население.

В колониях Нового Света капиталистические отношения не развивались; здесь процветали рабство и крепостничество в самых жестоких формах. Для населения же Африки чудовищно развившаяся и господствовавшая более трех столетий (до середины XIX в.) работорговля имела самые губительные последствия. Работорговцы, закупаая у местных князьков партии военнопленных, подстрекали их к нападениям на соседей, сеяли рознь и вражду между племенами. В Америку было вывезено из Африки за это время более 100 млн. негров (из них может быть только четвертая часть живыми достигла Америки, остальные погибли в пути от ужасных условий доставки). Это было настоящее обескровливание континента, которое приостановило рост его производительных сил и низвело культуру до уровня более низкого, чем до прихода европейцев.

Последствия великих географических открытий в Европе

Великие географические открытия привели к глубоким изменениям в хозяйственной жизни Европы. «Внезапное расширение мирового рынка, — писал Маркс, — возросшее разнообразие обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система — все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства»¹. Влияние географических открытий сказалось, однако, не сразу и далеко не повсюду одинаково.

Необходимо отметить (но не следует преувеличивать их значение) два важных последствия: перемещение торговых путей и торговых центров в пределах Западной Европы и так называемую революцию цеп. Поскольку расширились и пошли по новым путям сношения Европы с Индией, а также установились и все более развивались связи с Новым Светом, уменьшилось значение для Европы среднеземноморской торговли и итальянских городов как торговых посредников Европы с заморскими странами. В XVI в. роль посредников стали играть города Лиссабон, Севилья, Антверпен. Однако не следует связывать это исключительно с географическими открытиями. Если экономическое значение Севильи и Лиссабона очень возросло, то Антверпен и раньше, уже в конце XV в., был важнейшим международным торговым центром для сбыта сукон из Англии, металлов (олово, медь, серебро) и металлических изделий из Германии, шерстяных тканей из Брабанта и Фландрии. С открытием новых стран в Антверпене, где португальцы стали закупать нужное им для торговли с Индией серебро, сосредоточилась еще и вся торговля пряностями и колониальными товарами. Антверпен стал всеевропейским денежным центром, в котором купеческие и банковские фирмы европейских стран имели свои конторы и агентов.

Развилась новая организация торговли и финансовых операций — торговая и фондовая биржи. Сделки на биржах заключались по образцам. Развился и новый вид наживы — спекуляция. На фондовой

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 365.

бирже совершались всевозможные финансово-кредитные операции: заключались займы, учитывались векселя, из рук в руки переходили денежные обязательства крупных банковских домов и европейских монархов. Спекуляция здесь процветала не менее, чем на товарной бирже. На цены товаров и курсы бумаг оказывали влияние самые различные обстоятельства и события, в том числе и политические. Поэтому купцы и финансисты нуждались в получении быстрой и подробной информации. Агенты торговых фирм тщательно собирали все новости и писали подробные донесения своим патронам. Эти донесения явились зачатками будущих газет.

**«Революция цен»
и ее социальные
последствия**

В Европе в XVI и первой трети XVII в. наблюдается значительный рост цен, условно названный «революцией цен». Рост цен проходил неравномерно по странам и во времени. В Испании к 1601 г. цены выросли почти в 4,5 раза, в Англии — в 4 раза, во Франции к концу XVI в. — в 2,5 раза, в Италии — в два раза. При этом цены на сельскохозяйственные продукты поднялись в гораздо большей степени, чем на промышленные товары, а предметы первой необходимости вздорожали сильнее, чем предметы роскоши. Очень важно, что цены на труд, т. е. заработная плата, сильно отставала от роста товарных цен. Так, в Англии заработная плата возросла всего лишь на 30%, во Франции — на 25%. Таким образом, реальная заработная плата сильно упала.

«Революция цен» представляет собой весьма сложное явление, и ее нельзя связывать с постепенным общим ростом цен, начавшимся в ряде стран Европы во второй половине XV в., когда он определялся ростом и ускорением товарооборота, увеличением спроса на сельскохозяйственные товары в связи с увеличением численности населения вообще и городского в особенности, а также постепенным возрастанием количества монеты в обращении. Резкий и устойчивый рост цен был связан в XVI в. с привозом в Европу большого количества золота и особенно серебра, добытых дешевым трудом рабов во вновь открытых колониях, вследствие чего снизилась цена самих драгоценных металлов. Со всей силой эти явления дали о себе знать примерно с середины столетия. Цены росли быстрее в тех странах, которые раньше и сильнее испытали на себе увеличение в них количества драгоценных металлов, что было связано с формированием мировым товарным и денежным рынком (Испания, Португалия, Франция, Нидерланды, Англия, Италия, западные области Германской империи). Возникновение мирового рынка способствовало постепенному распространению «революции цен» и на другие, менее развитые экономически страны Европы.

«Революция цен» различным образом повлияла на экономическое положение разных групп и сословий феодального общества. В деревне выиграли в первую очередь землевладельцы, сдававшие свою землю в аренду, так как арендная плата сильно повысилась в связи с ростом цен на сельскохозяйственные продукты и значительно превышала размер фиксированной феодальной денежной ренты. Наконец, выиграли и крестьяне, платившие ренту своим сеньорам.

В производстве промышленных товаров в лучшем положении оказались капиталистические предприниматели, так как сильно снизилась реальная заработная плата наемных рабочих при одновременном росте цен на товары. Выиграли также купцы, делившие с предпринимателями прибавочную стоимость, производимую рабочим, и эксплуатировавшие в качестве скупщиков и кредиторов широкие слои мелких ремесленников и кустарей.

Пострадали от «революции цен» широкие слои населения: крестьяне, ведшие мелкое, не производящее на рынок хозяйство и вынужденные нередко батрачить или заниматься подсобными промыслами кустарного характера, а также те крестьяне, которые платили феодальную ренту продуктами или нефиксированную ренту. Проиграли те дворяне, а их было большинство, которые получали от своих держателей фиксированную денежную феодальную ренту, не имели значительных доменных владений и не вели собственного хозяйства, рассчитанного на рынок.

В городе потеряли от «революции цен», в первую очередь, широкие слои населения, жившие на заработную плату, и мелкие товаропроизводители, цеховые мастера, номинально самостоятельные, но фактически уже работавшие на скупщиков и на мануфактуристов. «Революция цен», таким образом, способствовала экспроприации мелкого товаропроизводителя как в городе, так и в деревне. Маркс резюмировал последствия «революции цен» так: «С одной стороны, обесценение заработной платы и земельной ренты, а с другой — рост промышленных прибылей. Иными словами: в той мере, в какой пришли в упадок класс земельных собственников и класс трудящихся, феодальные сеньоры и народ, в такой же мере возвысился класс капиталистов, буржуазия»¹.

Всюду понижение заработной платы и повышение капиталистического дохода, разрыв между арендной платой и феодальной рентой вели к усилению классовых антагонизмов к обострению классовой борьбы. Между сеньором — феодальным собственником и крестьянином-держателем обостряется борьба за землю, борьба за превращение феодального держания в свободную мелкую собственность. Между трудом и капиталом начинается борьба за заработную плату. Исход этой борьбы, шедшей в течение почти трех столетий, зависел от конкретного соотношения классовых сил и решался в каждой стране по-разному.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 154.

ГЕРМАНИЯ В XVI И В НАЧАЛЕ XVII В.

§ 1. ЭПОХА РЕФОРМАЦИИ И ВЕЛИКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Экономический
строй Германии
в первые
десятилетия XVI в.

К началу XVI в. большинство населения Германии состояло из феодально зависимых крестьян. В деревне безраздельно господствовали князья, дворяне и их управители. В немецких городах, в том числе и в наиболее крупных, преобладало цеховое ремесло, а в их магистраты входили члены патрицианских родов и представители богатого бюргерства.

Однако уже XV век и особенно начало XVI в. ознаменовались в экономической жизни Германии значительными сдвигами. В это время, когда развитие производительных сил и разделение труда в разных частях мира привели к значительному расширению международных торговых связей, Германия продолжала занимать центральное положение на путях мировой торговли. Правда, Северогерманская Ганза, теснимая конкуренцией английских и голландских купцов, с конца XV в. стала приходить в упадок (см. т. 1, гл. 11), а великие географические открытия возвещали предстоявшее в близком будущем перенесение мировых торговых путей на Атлантическое побережье. Но несмотря на это до середины XVI в. связи Северной Италии и через ее посредство Востока с рынками Западной Европы шли через германские земли, а немецкие города, особенно Аугсбург, Нюрнберг и некоторые другие на Рейне и на Верхнем Дунае, по-прежнему оставались крупными центрами европейской торговли. Немецкие купцы пользовались привилегиями в торговых портах других европейских стран и на первых порах извлекали выгоды и из нового направления путей мировой торговли. Международная экономическая роль Германии выражалась и в том, что она занимала первое место в мире по добыче серебра — главного средства обмена в то время (поток американского золота и серебра стал ощущаться только с середины XVI в.).

Выгодное положение на путях мировой торговли способствовало росту товарного производства в стране в области ремесла и сельского хозяйства, наметившемуся уже ранее и особенно заметному в первые десятилетия XVI в. Верхнегерманские города достигли расцвета и являлись, по словам Энгельса, средоточием значительного богатства и роскоши. Аугсбург оставался до середины XVI в. крупным складочным пунктом итальянских шелковых изделий, индийских пряностей

и товаров Востока вообще. В Аугсбурге же находились торговые фирмы Фуггеров, Вельзеров и др., которые вели в масштабах того времени настоящую мировую торговлю и имели свои постоянные конторы в разных странах, в частности в Венеции, торговавшей со странами Востока и занимавшей господствующее положение на Средиземном море. Крупным южногерманским фирмам принадлежали богатые горные промыслы в германских землях и за их пределами, в особенности в Тироле и в других австрийских землях, а также многие горные разработки в Испании, Венгрии и в других странах. О силе и влиянии этих фирм можно судить уже по тому, что князья и императоры, постоянно нуждавшиеся в деньгах, обращались к ним за займами, предоставляя фирмам большие привилегии и отдавая в залог горные богатства.

Выгодными связями славились тогда многие крупные города. Известный немецкий гуманист Яков Вимифелинг писал о Кёльне, что этот город «по своей обширной торговле и неизмеримым богатствам является царем Рейна». Нюрнберг — крупнейший центр металлообрабатывающей промышленности — насчитывал в XVI в. около 20 тыс. населения. Из эльзасских городов выделялся своей прибыльной торговлей Страсбург, через который шли торговые связи с Францией. Франкфурт-на-Майне славился ярмаркой, собиравшей купцов из Нидерландов, Фландрии, Англии, Польши, Чехии, Италии и Франции. Более мелкие города — Ульм, Констанц, Равенсбург — являясь наряду с Аугсбургом центрами изготовления хлопчатобумажных изделий и полотна, продавали свою продукцию не только на местных, но и на отдаленных итальянских рынках и в Испании. Через города, расположенные на Дунае, немецкая торговля была связана со славянскими землями Юго-Восточной Европы.

Расширение внутренних и международных торговых связей и рост богатств в немецких городах в первые десятилетия XVI в. имели своим результатом дальнейшее развитие зародившихся уже в XV в. (см. т. 1, гл. 11) элементов капиталистического производства. В текстильной промышленности и отчасти в области изготовления металлических изделий все больше места занимала система авансирования (Verlagssystem), при которой разрозненные ремесленники подчинялись организующей деятельности купца-предпринимателя, авансировавшего их деньгами и доставляемого издалека сырьем. Руководящая деятельность купцов-предпринимателей выражалась главным образом в расчленении процесса производства и распределении его отдельных этапов между непосредственными производителями, теряющими таким образом свою экономическую самостоятельность и все более превращающимися фактически в наемных рабочих. Капиталистическая система рассеянной мануфактуры получала благодаря этому все большее распространение в городах и особенно в городской округе, где не существовало цеховой регламентации. Наряду с этим в отдельных отраслях появлялись и централизованные мануфактуры. Примером их являлись средние и крупные типографии. Само оборудование типографии требовало значительного капиталовложения и палиция от 30 до 50 и больше наемных рабочих разных специаль-

ностей — наборщиков, словолитчиков, печатников, изготовителей печатных форм, корректоров и др.

В первые три-четыре десятилетия XVI в. элементы капиталистического производства в горном деле, определившиеся уже в предыдущем веке, значительно усилились, особенно на разработках благородных металлов. К началу XVI в. горные товарищества на паях в Саксонии, Тироле и других землях Германии в основном потеряли характер трудовых коллективов и стали капиталистическими. Достигнутое к этому времени углубление шахт (до 300, а в ряде случаев до 500 метров и больше) и усложнение оборудования на разработках требовали больших капитальных вложений и постоянных дополнительных расходов. Участие в предприятиях в районах крупных разработок обладателей мелких вкладов все больше и больше затруднялось; они постоянно находились под угрозой потери своей доли и полного разорения.

По самым скромным подсчетам, в первые десятилетия XVI в. в германской горной промышленности было занято больше 100 000 человек. По добыче серебра она значительно превосходила все остальные страны Европы, вместе взятые. Добыча золота и серебра оказалась, по мнению Ф. Энгельса, «последним толчком, поставившим Германию в 1470—1530 гг. в экономическом отношении во главе Европы и тем самым сделавшим ее центром первой буржуазной революции в религиозном облачении так называемой Реформации»¹.

С расцветом товарного производства и с распространением ранних форм капиталистических отношений связаны значительные изменения в аграрных отношениях. Увеличение спроса на шерсть, лен и продукты питания стимулировало рост овцеводства, расширение посевов технических и продовольственных культур. С начала XVI в. землевладельцы в большей степени, чем раньше, обратили внимание на возросшую доходность сельского хозяйства. Они принимали меры к укреплению своей феодальной собственности на землю путем превращения наследственных держаний крестьян в пожизненные, а пожизненных — в срочные, что приводило к ухудшению условий крестьянского держания, к увеличению многочисленных феодальных поборов, как регулярных, так и взимавшихся при определенных случаях (рождение, брак, смерть в семье крестьянина, продажа имущества и т. п.). Одновременно с этим феодалы в своих собственных хозяйствах, где это представлялось возможным, расширяли овцеводство и отводили новые участки земли под лен, коноплю и другие технические культуры. Рост барских хозяйств, чаще всего за счет узурпации общинных угодий и сокращения крестьянских участков, был связан с массовым распространением крепостного состояния крестьян (Leibeigenschaft) и увеличением их барщинных повинностей.

В восточных и северных районах, где крестьяне могли активнее защищаться, натиск феодалов не давал до Крестьянской войны заметных результатов. Зато в юго-западной части страны феодальная реакция нарастала быстрыми темпами. Здесь феодалы вводили для

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 229.

крестьян краткосрочные формы держания земли со всеми признаками голодной аренды. Во время Крестьянской войны многие крестьяне жаловались, что им приходится отдавать землевладельцу треть и даже половину урожая.

Одной из самых несправедливых и тяжелых повинностей была десятина, взимавшаяся церковью. Вначале она взималась только с зерна («большая десятина»), но затем ее стали брать также с огородных культур («малая десятина») и со скота («десятина крови»). Если к этому прибавить всякого рода княжеские налоги, расхищение общинных земель, запрещение крестьянам пользоваться лесом для пастбищ и для сбора топлива, прудами для рыбной ловли и т. п., то можно с полным основанием утверждать, что господа старались забрать из крестьянского дохода все, что могли, оставляя крестьянину лишь самые минимальные средства к существованию. Феодалы стремились, таким образом, обратить все выгоды от подъема в области сельского хозяйства и развития товарного производства исключительно в свою пользу. Даже зажиточные слои крестьянства испытывали гнет феодальной реакции, сильно препятствовавшей самостоятельному развитию крестьянского хозяйства и буржуазных отношений в деревне.

Особые условия экономического и политического развития Германии

Нараставшая феодальная реакция в деревне, проводившаяся духовными и светскими феодалами и князьями практика массового перевода крестьян в крепостное состояние тормозили распространение в стране зарождавшихся элементов капиталистического производства. Это и было особенностью экономического подъема Германии на рубеже XV и XVI вв. Эта особенность проявлялась тем более резко, что отдельные германские земли развивались неравномерно, а главное — регулярный товарообмен между ними определился лишь в связи с экономическим подъемом конца XV и первых десятилетий XVI в. Только тогда стали складываться условия для преодоления господствовавшей в предыдущие века изолированности различных частей Германии, а саксонско-тирингский район стал приобретать значение хозяйственного центра ее основных земель. Однако этот процесс не привел тогда к созданию общего внутреннего рынка. Внешние связи и рынки, имевшие столь важное значение в экономике германских городов, оставались в основном различными на севере и на юге. Богатые южногерманские города вели оживленную торговлю с итальянскими городами; североганзейские же города, имевшие свои конторы в Новгороде, Бергене, Лондоне и Брюгге, снабжали товарами всю Северную Германию, по преимуществу занимались транзитной торговлей.

Особенностями экономического развития Германии определялась в значительной степени ее политическая и социальная структура. В то время как в других крупных странах Европы развитие торговли и промышленности привело к политической централизации, в Германии продолжала преобладать группировка интересов вокруг местных центров — политическая раздробленность. Германская империя, в которой процесс внутреннего распада шел и углублялся с XII в. (см. т. 1, гл. 11), представляла собой к началу XVI в. конгломерат самостоя-

тельных и фактически разобщенных «территорий», считавшихся ее «непосредственными» землями. «Членами империи» были имперские князья (наиболее значительными из которых были курфюрсты); в нее входили имперские графства и прелатства и имперские города. Кроме того, империя включала самостоятельные территориальные единицы (их насчитывалось до тысячи), различавшиеся как размерами, так и по экономическому и политическому значению.

Сильнейшим княжеским домом был дом Габсбургов, за которым с 40-х годов XV в. утвердилась императорская корона. Держава Габсбургов состояла из Верхней и Нижней Австрии, Тироля, славянских земель — герцогств Штирии, Каринтии и Крайны, ряда наследственных земель на Верхнем Рейне, графств Бургундия и Нидерланды. С 1526 г. в состав державы Габсбургов было включено Королевство Чехия и часть Венгрии. С Габсбургской державой соперничали внутри империи сильное герцогство Бавария и богатое курфюршество Саксония, лежащее в горных районах Средней Германии. В то же время в империю входили мелкие территории, часто ограничивавшиеся рамками одного города или одного монастыря. Вся эта пестрая масса крупных, средних, мелких и мельчайших территорий находилась в постоянной вражде.

Преобладание местных центров усиливало власть территориальных князей, которых Ф. Энгельс характеризовал как представителей централизации в самой раздробленности, как носителей местной и провинциальной централизации. Каждый князь чеканил свою монету, собирал налоги, творил суд и старался использовать ослабление императорской власти для подчинения мелкого дворянства и городов. Таким же образом поступали патрицианские роды городов, узурпировавшие права общин под видом управления ими.

Усиление суверенитета территориальных князей за счет слабейшей центральной власти самым отрицательным образом сказывалось на дальнейшем экономическом развитии страны. Каждый князь старался перещеголять своих соседей блеском своего окружения, пышностью двора и прежде всего мощью своих финансов и армии. Тяжесть налогов, взимаемых для удовлетворения этих потребностей, подрывала экономику сел и городов и тормозила предпринимательскую деятельность. Главное же заключалось в том, что немецкие купцы и предприниматели лишены были государственной помощи и поддержки, и в своих деловых связях и борьбе с конкурентами из других стран они могли рассчитывать только на собственные силы и на силу своих частных союзов. В этих условиях в наиболее выгодном положении оказались крупные южногерманские торгово-ростовщические фирмы Фуггеров, Вельзеров, Гохштеттеров и др., которые предоставляли займы постоянно нуждавшимся в деньгах немецким князьям, прежде всего Габсбургам.

Южнонемецкие фирмы, наживавшие огромные состояния на международных торговых и кредитных операциях, вкладывали капиталы в горную промышленность не только Германии, но и Австрии, Чехии, Венгрии, Испании, а фирма Вельзеров владела также разработками меди и серебра в Америке. Наряду с этим Вельзеры участвовали в

Южной Америке в работоторговле и использовали свои связи и капиталы для проведения там своей собственной колониальной политики. Фуггеры распространяли свои вклады помимо горной на другие отрасли промышленности. Таким образом, Фуггеры и другие крупные компании Южной Германии в известном смысле сочетали деятельность ростовщиков, торговцев-монополистов и промышленников, причем все эти функции переплетались. Извлекая капиталистическую прибыль от эксплуатации наемного труда, они, однако, основные доходы получали благодаря привилегиям и монопольным правам. Предприниматели-раздатчики из среды бюргерства, владельцы мануфактур, главным образом рассеянных в городской округе, подрывали своей деятельностью цеховые устои в городах и являлись носителями прогрессивных тенденций в промышленном производстве. Но они оказывались бессильными перед лицом торгово-ростовщических компаний. Отсюда то большое возмущение, которое вызывала в кругах немецкого бюргерства в XV—XVI вв. деятельность этих компаний, распространявших свое влияние далеко за пределы Германии и инорировавших специфически германские интересы.

**Обострение
в начале XVI в.
социальных
противоречий
и классовой борьбы**

Своеобразие экономического строя, политическая раздробленность и господство самых грубых форм феодального произвола породили острые социальные конфликты. Особенность ситуации заключалась в том, что конфликт между угнетенными и эксплуататорскими классами переплетался с ожесточенной борьбой внутри самого господствующего класса — между соперничавшими суверенными князьями, между светскими и духовными князьями и феодалами, между высшими духовными и светскими феодалами и мелким рыцарством, — а также с разногласиями и противоположными интересами внутри бюргерства разных районов страны. В раздробленной Германии объединение разнообразных течений оппозиции фактически оказалось невозможным.

Большинство среднего слоя городского населения (бюргерства) включало богатых, средних и часть мелких собственников — мастеров, ремесленников, торговцев, страдавших от непосильных налогов, от постоянных междоусобных войн и грабежей на больших дорогах, от засилья привилегированных монополистических компаний. В среде бюргерства все больше нарастало оппозиционное настроение, но в условиях недостаточно развитых внутренних связей и политической раздробленности страны немецкое бюргерство в отличие от среднего слоя горожан в некоторых других странах Европы не сформировалось в класс общенационального масштаба и не смогло объединить другие оппозиционные силы. Оно интересовалось преимущественно узкоместными вопросами и не ставило перед собой широких политических целей. Что касается прослойки, которая к этому времени уже вступила на путь буржуазных отношений, то ее удельный вес в общей массе бюргерства был еще сравнительно невелик.

Политической активностью выделялось немецкое дворянство (рыцарство), оказавшееся в критическом положении. Развитие техники военного дела в связи с изобретением пороха и рост значения пехоты

сделали ненужной тяжеловооруженную кавалерию, т. е. военную службу рыцарей. Сохранение своего положения рыцари усматривали в укреплении империи, в создании централизованного крепостнического государства, опирающегося на рыцарство и держащего в узде крестьянство. Идеологи дворянства выражали недовольство всевластием князей, особенно засильем духовных князей и высшей церковной иерархии вообще, являвшейся агентурой папского Рима. Само собой разумеется, что этот идеал крепостнической империи не мог быть принят ни бюргерством, ни крестьянско-плебейским лагерем.

Совершенно иной характер носила революционная оппозиция народных масс города и деревни, не имевших в существующем феодальном обществе никаких прав. Одинаково бесправное положение крестьянства и городского плебса, подвергавшихся эксплуатации и угнетению со стороны всего феодального общества, содействовало их совместным выступлениям, направленным против самих основ феодального строя.

Городской плебс был очень сложным по составу. Он соединил в себе элементы разложения феодально-цехового строя с низшими слоями нового, едва зарождавшегося буржуазного общества. В связи с этим Энгельс отличает в плебействе три группировки: 1) разорившихся и обедневших горожан, потерявших свое место в обществе, 2) подмастерьев, стоявших вне официального общества, но мечтавших о цеховых привилегиях для себя в будущем и 3) выброшенных из деревни крестьян и отпущенных слуг, которые в общей городской массе образовали зародыши пролетариата. Этот слой не только оказался самым надежным союзником крестьян в антифеодальной борьбе, но и дал крестьянству из своей среды талантливых и смелых организаторов.

Для классовой борьбы XVI в. характерно значительно более тесное сближение крестьянской массы с городскими низами, чем в предшествующий период. Усиление крестьянско-плебейского лагеря не могло не оказать влияния на радикальные элементы в бюргерстве и на известный подъем бюргерской оппозиции вообще. Это проявилось в Германии в деятельности возобновившихся с начала XVI в. тайных обществ «Башмака» (см. т. 1, гл. 11).

В 1502 г. такое тайное крестьянское общество было раскрыто в Шпейерском епископстве на Рейне. Участники заговора намеревались совершить переворот в маркграфстве Баденском и соседних территориях с тем, чтобы приступить к осуществлению намеченной ими антифеодальной программы. Они считали необходимым раздел между крестьянами имущества духовенства, сокращение числа духовных лиц, упразднение всех феодальных платежей и феодальной зависимости вообще, возвращение в свободное пользование крестьян всех узурпированных общинных угодий. Участники общества рассчитывали при этом не только на силу завербованных заговорщиков, но главным образом на силу стихийного восстания народных масс. Задачу тайного общества они видели в подготовке боевых групп для захвата города Брухзала в качестве опорного пункта, затем эти группы, подняв знамя «Башмака», должны повести народные массы сел и

городов, которые присоединятся к ним, в военный поход по всей стране.

Однако дело не дошло даже до открытого выступления самих заговорщиков, планы которых были выданы предателем. Участники общества и большинство его руководителей были арестованы (Иосу Фрицу удалось избежать ареста) и казнены.

В 1513 и 1517 гг. во многих городах Германии происходили весьма значительные, направленные против городской верхушки, волнения бюргерства с активным участием в них плебейских масс. В такой обстановке резкого выражения недовольства раскрыты были новые, уже отражающие признаки дальнейшего подъема движения крестьянско-плебейских масс, планы тайных обществ «Башмака». Эти планы включали важные политические требования. Наиболее общим из них являлось требование упразднения всех властей, кроме власти императора, т. е. стремление к установлению государственного единства путем устранения всех территориальных князей. Власть императора признавалась только при условии, что он присоединится к восставшему народу. В противном случае заговорщики намеревались его свергнуть и обратиться за помощью и руководством к швейцарцам.

Оппозиция большей части бюргерства, состоявшей из цеховых ремесленников и связанных с цеховым производством купцов, носила умеренный характер. Она касалась в основном внутригородских порядков и направлялась против патрициата и его бесконтрольного управления городскими делами и финансами. Значительно более радикальными и широкими были требования тех элементов бюргерства, предпринимательская деятельность которых была уже связана с зарождавшимися в стране капиталистическими отношениями. Требования этой части бюргерства, направленные против раздробленности Германии, против произвола княжеских кланов, отражены уже в памфлетах XV в. (см. т. 1, гл. 11). Памфлетная литература, содержащая требования коренных политических преобразований, получила в предреформационной Германии широкое распространение.

Однако передовые элементы, объективно заинтересованные в поддержке антифеодальной борьбы народных масс, составляли меньшинство в немецком бюргерстве, основная масса которого продолжала цепляться за свои сословные привилегии и не выходила в области политических требований за рамки умеренной оппозиции. Только борьба против заслужившего всеобщую ненависть в Германии засилья папского Рима и высшего католического духовенства могла объединить, по крайней мере на некоторое время, разнородные слои немецкого бюргерства.

В воинственной оппозиции к политическому строю, основанному на территориальной системе, находилось и немецкое рыцарство. Но реакционные рыцарские идеалы не могли, конечно, встретить сочувствия ни со стороны бюргерства, ни тем более со стороны народных низов. Тем не менее идеологи рыцарства, страстно призывавшие к борьбе с произволом князей и к освобождению Германии от засилья папского Рима, играли известную роль в общем подъеме политической оппозиции начала XVI в.

К началу XVI в. в странах Центральной и Западной Европы чрезвычайно возросли материальные и политические претензии католической церкви, ставшей весьма влиятельной международной силой со сложным и разветвленным организмом.

Основанием для этих претензий было то, что католическая церковь служила в средние века идеологической опорой всего феодального строя. Она учила, что мир и весь существующий в нем порядок, в том числе и общественный строй, созданы богом и не подлежат никакому изменению, а на долю масс остается лишь покорность властям. Постулировалась идея об исконной «греховности» человека. Согласно этому учению, человек греховен по самой своей природе и собственными силами не способен «спастись», т. е. искупить свою греховность. Только церковь может дать через свои таинства (крещение, покаяние, причастие и др.) недостающую человеку «благодать» и обеспечить ему вечное «спасение».

Папы и высший католический клир вполне сознавали значение своего учения и своей организации в феодальном мире. Папский Рим не без основания считал себя оплотом существующего строя в его борьбе против всех поднимающихся антифеодальных сил, а в конце средних веков — оплотом начавшегося процесса национальной консолидации народов. Отсюда претензии высшего католического духовенства во главе с папой на то, чтобы установить свою политическую гегемонию, подчинить себе светскую власть, использовать влияние в целях своего обогащения. Папские дипломаты, сборщики церковных поборов и продавцы индульгенций заполняли страны Европы.

Претензии католической церкви вызывали недовольство даже крупных светских феодалов, но в значительно большей степени — жителей городов, в которых зарождалась новая, буржуазная идеология. В XV и XVI вв. притязания церкви встречали решительный отпор со стороны королевской власти в тех странах, которые встали на путь государственной централизации. В раздробленной же Германии папы не хотели идти ни на какие уступки. Огромные суммы денег шли из германских земель в папскую казну через разветвленную папскую агентуру, к которой принадлежали прежде всего суверенные духовные князья и всякого рода сборщики. Это обстоятельство в немалой степени содействовало тому, что реформационное движение, почва для которого подготовлена была и в других странах Европы, началось ранее всего именно в Германии и объединило здесь наиболее широкие слои населения.

Беззащитное состояние Германии перед лицом политических интриг и финансовых вымогательств папской курии особенно проявилось после краха попыток создания общеимперских учреждений, предпринятых в конце XV в. вслед за созданием в Юго-Западной Германии Швабского союза (см. т. 1, гл. 11). По замыслу князей — инициаторов имперских реформ княжеский суверенитет в территориях должен был оставаться неизменным. Но при таких условиях задача обеспечения имперских учреждений реальными военными и финансовыми средствами оказалась неразрешимой.

Нетрудно себе представить, насколько особое положение церкви в Германии содействовало усложнению и обострению внутренней обстановки. Вопрос об освобождении от папских претензий стал национальной задачей немецкого народа. Требования церковной реформы содержались в каждой из выдвигавшихся тогда программ политических преобразований. Правда, каждая социальная группировка понимала реформу по-своему, вкладывая в нее особый смысл. Все же в требованиях церковной реформы все разрозненные элементы общественной оппозиции нашли на некоторое время свое общее выражение. Подъем общественного движения бурно нарастал.

Гуманизм в Германии В идеологической подготовке общественного подъема эпохи Реформации важное место принадлежит гуманистическому движению. Зарождавшиеся в немецких городах буржуазные отношения создали благоприятные условия для возникновения и развития новой идеологии. Уже около середины XV в. в среде молодых магистров и слушателей немецких университетов, к которым примыкали литераторы, проповедники, странствующие поэты и другие образованные люди из разнообразных слоев населения, возникали кружки для изучения произведений античных авторов по примеру итальянских гуманистов. Эти кружки вступали в борьбу с церковно-богословским и схоластическим направлением, господствовавшим в университетском преподавании. Новое направление мысли отстаивало самостоятельный характер опытных наук по отношению к богословию. В своих литературных произведениях более радикальные немецкие гуманисты, пропагандируя научное мировоззрение и борьбу со схоластикой, затрагивали не только абстрактные вопросы религии, философии и морали, но и вопросы, волновавшие широкие оппозиционные круги, а именно: о национальном развитии немцев, о роли папского Рима и его агентуры в унижении Германии и др. В произведениях гуманистической литературы конца XV и начала XVI в. немало обличительных страниц, насыщенных яркими примерами, почерпнутыми из образцов народного творчества, из фольклора, получившего в этих произведениях особое звучание.

Пропаганду научных знаний, высоких моральных качеств и положительного отношения к радостям земной жизни, проникнутых национальными мотивами обличения невежества и грубости богословов, монахов и церковников, мы находим уже у немецких гуманистов второй половины XV в. — у Рудольфа Агриколы (1444—1485), у Якова Вимпфелинга (1450—1528), у поэта-гуманиста Конрада Целтиса (1459—1508), лирические стихи которого проникнуты жизнерадостным мироощущением, прославлением человеческой природы, свободы человеческого духа и достижений культуры. Замечательным произведением гуманистической литературы конца XV в. явился изданный в 1494 г. на немецком языке «Корабль дураков» («Das Narrenschiff»). Эта сатира, написанная и иллюстрированная профессором Базельского университета Себастьяном Брантом (1457—1521), построена в виде повествования о шумной толпе дураков, устремляющихся на корабль с целью отправиться в страну глупости Наррагонию. В этой толпе собраны представители разных слоев герман-

ского общества — глупцы, создающие таким образом общую картину глупой жизни и порочного быта того времени. Сатира Бранта содержала также нападки на рыцарей и знатных господ, которые кичатся «благородством» своего происхождения, не обладая ни доблестью, ни подлинным благородством души.

Вскоре после «Корабля дураков» Бранта появилась сатирическая поэма «Рейнеке-Лис», отражающая распространённые в пародии протест и возмущение актами феодального произвола, политическими неурядицами и господством грубой силы, характерными для политической обстановки в Германии. Замечательный гуманист, профессор поэзии Тюбингенского университета Генрих Бебель (1472—1518), избрал жанр «фацетий» — коротких повелл, насыщенных фольклорным материалом и остро обличительных по своему содержанию, в которых высмеивал нравы духовенства, схоластику и самую церковную догматику. Среди фацетий Бебеля имеются и такие, которые навеяны мотивами антифеодальной борьбы. В одной из них волк уверяет крестьян, которые его преследуют за хищение овец из их стад, что его преступления ничто по сравнению с хищническими действиями феодалов и князей, отнимающих у крестьян не только плоды их полей и стад, не только их добро, нажитое тяжёлым трудом, но и их жен и дочерей и даже жизнь.

В кругах немецких гуманистов в начале XVI в. большим авторитетом пользовались Эразм Роттердамский и Иоганн Рейхлин, названные «двумя очами Германии».

Эразм Роттердамский (1466—1536) — выходец из Голландии, юные годы провел в монастыре, который ему удалось покинуть лишь в 1493 г. Живя в Нидерландах, Франции, Англии, Италии и разных городах Германии, Эразм с большим увлечением изучал произведения итальянских гуманистов и античную литературу. Эразм Роттердамский сам себя называл «гражданином Вселенной». Однако в своей литературной деятельности он был теснейшим образом связан с немецкими гуманистами. В его творчестве нашли выражение характерные особенности немецкого гуманизма, идеологии прогрессивных слоев немецких городов.

Уже в ранних произведениях Эразма, в данной им трактовке идеи свободы воли, в стимулировании волевой активности человека во всех сферах жизни, получила свое особое выражение направленность гуманистической мысли против теологического фатализма, подчеркивалась роль человека, его разума и целенаправленной воли в формировании собственного характера его индивидуальности и особенно в процессе движения к высшему нравственному совершенству, принципы которого противопоставлялись поработавшей человеческий дух идеологии средневекового католицизма. В сатирической литературе XVI в. выдающееся место занимает произведение Эразма «Похвальное слово Глупости», опубликованное в 1509 г. В этой и в другой сатире «Домашние беседы», законченной в 1518 г., Эразм тонкой иронией и остроумной, не всегда сразу уловимой насмешкой вскрывал недостатки и пороки современного ему общества. Во всех областях политической, культурной и церковной жизни он видел пошлость,

пустой формализм, бессмысленную догматику и прежде всего глупость — отсутствие всякого разумного начала.

В сатире Эразма больше всего достается схоластической «науке», богословам и монахам. В несколько более сдержанном тоне он говорит о пороках высшего католического клира — епископов, кардиналов и пап. В разных произведениях Эразма, написанных до выступления Лютера, указывается и на пороки социальных и политических порядков современного ему общества, на бедственное и беспомощное положение широких слоев народа, на политический произвол и тиранию королей, князей и феодалов. Резкой критике Эразма подвергались войны его времени, которые велись в интересах правителей и военных клик, а народам приносили только огромные бедствия. Но Эразм видел причины всех общественных пороков лишь в отсутствии правителей, способных организовать государство на разумной и справедливой основе.

Высмеивая внешнюю обрядовую сторону католической церкви, феодальную идеологию и всю систему средневековых воззрений, Эразм объективно отстаивал основы зародившихся буржуазных отношений, но вместе с тем он отражал и характерную для его времени незрелость оппозиционной мысли. При всем радикализме своей сатиры Эразм старался сохранить принципы религиозно-церковного мировоззрения, требовал подведения под христианскую религию рационалистической основы и решительно высказывался против всякого реформационного переворота.

Другой крупный деятель гуманистической культуры в Германии Иоганн Рейхлин (1455—1522) стремился примирить христианскую мораль с гуманизмом и доказать, что христианская религия устанавливает связь божественного с человеческим и тем самым признает положительное значение земной жизни и находит божественное в самом человеке. У Рейхлина «христианская идея» расплывалась в широкое понятие человеческой культуры у разных народов и в разное время. Такое широкое понимание христианства не имело, по существу, ничего общего с католической догматикой. В соответствии с этим Рейхлин считал, что изучать сущность христианства следует подвергая критическому анализу первоисточники, а не в духе церковной догматической традиции.

Подобно Эразму Роттердамскому, Рейхлин старался избегать конфликтов с католической церковью. До конца своих дней он оставался противником Реформации. Однако его борьба с обскурантами — с реакционными католическими богословами — не ограничивалась областью абстрактной полемики. Уже на исходе первого десятилетия XVI в. Рейхлину пришлось вступить в открытую борьбу с самым реакционным воинственным отрядом «обскурантов» — с кельнскими теологами. На сторону Рейхлина стали все передовые умственные силы тогдашней Германии и прежде всего радикальные кружки молодых гуманистов, объявивших себя «рейхлинистами». Самый предмет борьбы был назван «делом Рейхлина». Начало «дела Рейхлина» относится к 1509 г., когда кельнские теологи стали добиваться уничтожения еврейских религиозных книг, являющихся, по их словам, враж-

дебными христианству. Запрошенный по этому делу в качестве эксперта Рейхлин высказался против огульного уничтожения еврейских книг, часть которых он считал ценными источниками по изучению христианства. Этот спор вылился в страстную принципиальную борьбу по вопросу о возможности или невозможности критической трактовки религиозных догматов.

Наиболее решительную позицию в «деле Рейхлина» занял кружок радикальных гуманистов при Эрфуртском университете, руководимый Муцианом Руфом из Готы. Членами этого кружка были такие видные гуманисты, как Ульрих фон Гуттен, Крот Рубиан и Эобан Гесс. В 1515 г. кружок выпустил остроумно и талантливо составленную сатиру «Письма темных людей», разоблачавшую невежество и нравственное разложение кельнских теологов и их собратьев, высмеивавшую их бесконечные схоластические споры по пустякам, их «кухонную» латынь и т. д. Одним из авторов анонимно выпущенных «Писем» был самый выдающийся член эрфуртского кружка Ульрих фон Гуттен (1488—1523).

Гуттен родился в семье рыцаря. Отданный в монастырь, Гуттен шестнадцати лет от роду бежал оттуда и, отвергнутый отцом, избрал себе полную лишений жизнь странствующего поэта. Уже ранние произведения отражают его глубокую преданность гуманистическим идеалам и резко отрицательное отношение к господствующим слоям тогдашней Германии.

В 1513 г., после посещения Италии, Гуттен начал литературную борьбу против Рима, публикуя эпиграммы на папу Юлия II, в которых изобличал безнравственный образ жизни папы и высмеивал индульгенции. Гуттен привез из Италии и опубликовал в Германии сочинение итальянского гуманиста Лоренцо Валлы «О ложном и вымышленном дарении Константина» — разоблачение фальшивки, якобы выданной папе римским императором IV в. Константином, на которую опирались папы в своих притязаниях на подчинение им светской власти. Это произведение итальянского гуманиста рассматривалось Гуттеном как важное орудие в политической борьбе против папского Рима.

В действительности политическая программа Гуттена не могла стать популярной среди более или менее широких слоев немецкого народа. В отличие от большинства гуманистов, выражавших настроения отдельных прослоек городской оппозиции, Гуттен был связан с низшим, разоренным дворянством, с той его частью, которая, по словам Энгельса, быстрыми шагами шла к своей гибели и видела свое спасение в восстановлении старой империи. Идеологи рыцарства, в том числе наиболее яркий из них — Гуттен, рассчитывали, что восстановление империи приведет также к восстановлению былой политической роли этого социального слоя. Этот политический идеал рыцарства несомненно был реакционным. Однако Гуттен, поддерживая военные планы рыцарства, связывал их с победой патриотического движения в Германии над папским Римом и его агентурой и видел залог этой победы в том, что успехи пропаганды гуманистических идей и развития наук и искусств приведут к идеологическому и мате-

риальному освобождению внутренних сил страны от римского влияния.

Ульрих фон Гуттен представляется нам, таким образом, глубоко противоречивой натурой. Мы наблюдаем у него сочетание реакционных политических планов с энергичной поддержкой умственного движения Германии. Впоследствии Гуттен стал яркой фигурой среди борцов за Реформацию. Говоря о Гуттене и Зиккингене как о «дворянских представителях революции», Маркс писал, что «они в своем воображении были революционерами»¹.

Немецкая Реформация.
Мартин Лютер

Особенности экономического, социального и политического развития ряда германских земель, переживаемая в начале XVI в. эра бурного экономического и социального подъема в сочетании с особо неблагоприятными условиями общего национального развития (многообразие разрозненных интересов, усиливавшаяся сеньориальная реакция, утвердившаяся система политической раздробленности, особое положение в стране католической церкви) были причиной того, что Реформация — событие, общее для многих европейских стран, — приняла в Германии характер широкого общественного движения, стала первой крупной битвой против феодализма в Европе.

С началом реформационного движения было связано выступление Лютера в октябре 1517 г. с 95 тезисами против индульгенций.

Мартин Лютер (1483—1546) родился в городе Эйслебене (Саксония) — одном из крупных в то время центров медной промышленности. Его отец занимал видное место среди богатых владельцев плавильни и меднорудных разработок. В своей предпринимательской деятельности этот слой бюргерства испытывал постоянные затруднения и терпел ущерб от того, что управление горным делом находилось в руках представителей княжеской власти, в пользу которой шла значительная доля добывавшихся металлов. Лютер вырос, таким образом, в среде недовольного своим положением бюргерства, в обстановке нараставшей общей оппозиции к католическому духовенству. Восемнадцати лет он поступил в Эрфуртский университет, близко познакомился с членами радикального кружка гуманистов и одно время находился под их влиянием. Однако, окончив университет, Лютер поступил в августинский монастырь, где окончательно сложилось его мировоззрение.

Вопреки учению католической церкви, Лютер провозгласил, что церковь и духовенство не являются посредником между человеком и богом. Он объявил ложными претензии папской церкви на то, что она может давать людям посредством таинств «отпущение грехов» и «спасение души» в силу особых полномочий от бога, которыми она якобы наделена. Основное положение, выдвинутое Лютером, гласило, что человек достигает «спасения души» (или «оправдания») не через церковь и ее обряды, а при помощи «веры», даруемой ему непосредственно богом. Тем самым отвергались претензии духовенства на господствующее положение в мире. Объявив «веру» человека единствен-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 484.

ным средством его общения с богом. Лютер вместе с тем утверждал, что и мирская жизнь человека, и весь мирской порядок, который обеспечивает возможность предаваться «вере», составляет важный момент христианской религии. Тем самым Лютер выразил общее стремление бюргерства избавиться от политического и идеологического засилья папской церкви и придать значение и силу религиозного авторитета светским учреждениям и светскому государству.

Отрицание Лютером доминирующей роли церкви и духовенства выражалось и в его положении о том, что источником религиозной истины является не «священное предание», т. е. постановления церкви и папские декреты, как утверждает католическое учение, а Священное писание (канонические книги Ветхого и Нового завета). Роль церкви и духовенства должна, по мнению Лютера, сводиться только к разъяснению текстов Священного писания и склонению христиан к «вере». Свободного толкования самими христианами текстов Священного писания Лютер не допускал, так как он знал, что и революционные элементы оппозиции аргументируют свои положения этими текстами, толкуя их по-своему.

В лютеровском реформационном учении нашла свое выражение классовая ограниченность немецкого бюргерства. Лютер не развивал своего учения в том направлении, которое позволило бы сделать вывод о необходимости политических и социальных преобразований в обществе. Усматривая значение светского государства в том, что оно устанавливает в мире необходимый для христианской жизни «порядок», Лютер утверждал, что эти функции выполняются государством в любом его виде, что христианская внутренняя религиозность требует твердо установленной системы общественных отношений без их изменений по существу. Практически это означало, что правившие в Германии князья и феодалы рассматривались Лютером как необходимая опора Реформации. Маркс обратил внимание на то, что провозглашенная Лютером внутренняя религиозность так же предназначена для порабощения человека, как и отвергнутая им внешняя религиозность католической церкви. «Лютер, — писал Маркс, — победил рабство по набожности только тем, что поставил на его место рабство по убеждению. Он разбил веру в авторитет, восстановив авторитет веры. Он превратил попов в мирян, превратив мирян в попов. Он освободил человека от внешней религиозности, сделав религиозность внутренним миром человека. Он эмансипировал плоть от оков, наложив оковы на сердце человека»¹.

Консервативное большинство немецкого бюргерства, выступившее в лице Лютера против католической церкви, не решилось заявить о необходимости изменения общественных отношений. Однако в напряженной обстановке Германии тезисы Лютера оказали, по словам Энгельса, воспламеняющее действие, подобное удару молнии в бочку пороха. Вокруг них объединились все «многообразные взаимно перекрещивающиеся стремления» разных слоев оппозиции. Каждая груп-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 422—423.

пировка вкладывала в тезисы Лютера свои социальные требования, а не то, что имел в виду их автор. Что же касается народных масс, то они вообще не вникали в схоластические тонкости лютеровских ограничительных рассуждений богословского характера. Реформация воспринималась ими как требование не только церковных преобразований, но и социального освобождения.

Сам Лютер не остался в стороне от поднявшейся бури всеобщего движения. Только опираясь на это движение, он мог занять твердую позицию против римской курии, которая хотела с ним быстро покончить. Лютер отказался явиться в Рим на допрос и суд, а попытки папского легата кардинала Каэтана добиться от духовных и светских властей ареста Лютера потерпели в обстановке роста общественного движения Германии полную неудачу. На состоявшемся летом 1519 г. в Лейпциге диспуте между Лютером и воинствующим папистом, профессором богословия Экком Лютер в ответ на обвинение его в гуситской «ереси» смело заявил, что в учении Гуса имелись истинно христианские положения и что осуждение Гуса Констанцским собором и его сожжение не могут быть признаны правильными. Это был уже полный разрыв со всей католической традицией.

В своих полемических произведениях 1520 г. Лютер призывал «против неистового бешенства» приверженцев папского Рима действовать не только словом, но и оружием. «Если, — писал он, — мы вешаем воров, казним разбойников, сжигаем фанатиков, то почему не броситься с оружием в руках на этих главарей разврата, на этих кардиналов, пап и на всю свору римского Содома».

21 сентября 1520 г. была опубликована папская булла об отлучении Лютера от церкви. Лютер ответил на нее рядом резких статей, а 10 декабря сжег буллу во дворе Виттенбергского университета в присутствии студентов. Решительная позиция, занятая Лютером в борьбе с папским Римом, поставила его в первые годы Реформации в центр всего общепародного движения против католического духовенства, которое имело большое политическое значение. Это движение, выражая стремление всех прогрессивных слоев немецкого народа к избавлению своей страны от влияния чужеземных сил, было, по существу, движением против политической раздробленности.

Начало раскола Реформации

В 1520 и в начале 1521 г. имя Лютера сделалось настолько популярным в разных слоях немецкого народа, что папский представитель вынужден был признать в своем донесении в Рим: «Девять десятых Германии кричат «Лютер!»; остальная десятая — по меньшей мере — «Смерть римскому двору!» Однако тогда же стал выявляться разнородный характер тех требований, которые связывали с лютеровской Реформацией разные слои оппозиции. На Лютера ссылались многие народные проповедники, выдвигавшие далеко идущие требования о преобразовании общественного строя. Большие надежды стали возлагать на Лютера деятели рыцарской оппозиции. Идеолог этой оппозиции — выдающийся гуманист фон Гуттен, вначале равнодушный к религиозным спорам, и военный руководитель рыцарства Франц фон Зиккинген приветствовали Лютера как соратника в общей борьбе

за освобождение Германии от влияния и засилья папского Рима, призывая его присоединиться к готовившемуся рыцарскому восстанию. Гуттен написал тогда ряд диалогов: «Лихорадка I», «Лихорадка II», «Вадиск или Римская тройца» и др., — в которых он энергично разоблачал порочную, паразитическую жизнь папского окружения и всей католической иерархии. Национальными мотивами проникнуты диалоги Гуттена и особенно его поэма «Жалоба и предостережение». Гуттен считал, что рыцари призваны играть ведущую роль в освободительной войне немецкого народа и стремился убедить всех немцев довериться рыцарству. Задачи поднятого Реформацией движения Гуттен видел в том, чтобы подготовить весь немецкий народ к такой войне, которая приведет к возвышению рыцарства и превращению его в господствующую политическую силу в освобожденной от римского засилья империи.

Ближайшие годы показали, что эти мечты идеологов рыцарства обречены на провал. В поднятом в 1522 г. под руководством Зикккенгена восстании против трирского архиепископа рыцари оказались изолированными. Не только крестьяне, но и горожане остались к ним равнодушными. Перешедшие в наступление князья разрушили замок Зикккенгена. Сам он был смертельно ранен. Участвовавший в организации восстания Гуттен бежал в Швейцарию, где вскоре умер. Рыцарское восстание потерпело полное поражение.

Причина краха рыцарского восстания 1522 г. заключалась в политической беспочвенности попытки превращения Германии с ее богатыми и могущественными городами в крепостническую империю. Результатом провала рыцарей, присоединиться к которым Лютер отказался, был уход оппозиционной их части из лагеря Реформации, что положило начало распаду всего лагеря.

В 1521 г. Лютер продолжал бороться за Реформацию со всей непримиримостью. В этом году ему пришлось столкнуться с императорской властью. Император Священной Римской империи Карл V, являвшийся также королем Испании и ее обширных владений в Новом Свете, стремился превратить империю во всемирную католическую монархию Габсбургов. В Реформации Карл V усматривал опасное для его планов движение. На Вормском рейхстаге 1521 г., на котором присутствовал император, вызванному туда Лютеру было предъявлено категорическое требование отречься от своего учения. Но Лютер занял твердую позицию и решительно заявил: «На этом я стою и не могу иначе!» Весьма характерно, что в этой своей твердой позиции Лютер стремился опереться уже не на широкое народное движение, а на группу светских князей, возглавлявшуюся саксонским курфюрстом Фридрихом. Фридрих выступал против великодержавных политических планов императора и видел в лютеровской Реформации важное орудие против императорской политики создания единой католической монархии. На Вормском рейхстаге был издан императорский эдикт, предписывающий арестовать Лютера, предать огню все его произведения и конфисковать имущества его сторонников. От действия грозного Вормского эдикта Лютера спас Фридрих Саксонский, укрывший его в замке Вартбург близ Эйзенаха.

С этого времени все больше и больше выявлялось стремление Лютера связать судьбу Реформации с интересами князей. По мере того как стали обнаруживаться расхождения разных примкнувших к Реформации классов, Лютер, отражавший настроения консервативной части бюргерства, не мог уже оставаться центральной фигурой всеобщего народного подъема. Среди более активных и радикальных слоев бюргерства нарастало недовольство стремлением Лютера ограничить Реформацию лишь областью религиозного учения и держаться в стороне от политической борьбы.

Во время пребывания Лютера в Вартбурге реформационное движение в Саксонии оказалось под влиянием более радикальных деятелей — профессора Виттенбергского университета Андреаса Карлштадта, бывшего монаха Габриэля Цвиллинга и других, которые произвели полный переворот в церкви и в положении духовенства. Из церквей стали удалять алтари, иконы и освященный елей. Исполнение католической обедни было объявлено идолопоклонством. Карлштадт и Цвиллинг выступали с требованиями упразднения землевладения духовенства и его привилегированного положения вообще. В выступлениях Карлштадта восхвалялись трудолюбие и предприимчивость. Проповедуя активность в светских делах, Карлштадт говорил: «Никто не может быть уверен в спасенье души, если он не зарабатывает свой хлеб трудом своих рук». Католические деятели жаловались, что под влиянием проповеди Карлштадта молодые люди покидали школы и отправлялись на горные промыслы.

В проповеди и деятельности Карлштадта, Цвиллинга и других виттенбергцев нашло свое отражение выступление на арене нового, более радикального слоя бюргерства, который не удовлетворялся абстрактной Реформацией Лютера и желал ее распространения на область светской жизни. Проявлением этой же тенденции в более радикальных кругах немецкого бюргерства было распространение в богатых южных и западных городах учения швейцарского реформатора Ульриха Цвингли из Цюриха, который выступал против княжеского деспотизма и требовал республиканского строя и политической автономии для религиозных общин (см. гл. 26).

Настоящим же показателем раскола общего лагеря Реформации являлось определившееся и оформившееся в эти годы ее народное направление, стремившееся к социальному перевороту. Еще раньше среди крестьянских и плебейских масс вели пропаганду представители народных «еретических» сект, для которых толкование Священного писания являлось средством выражения социального протеста. Но дальше проповеди ухода от «греховного» мира в замкнутую секту и ожидания, что социальный переворот будет совершен богом, проповедники-сектанты обычно не шли. Теперь же в напряженной обстановке нарастающей антифеодальной борьбы народных масс и общественного подъема, вызванного реформационным движением, пропаганда пассивного ожидания сменилась призывами к революционным действиям и толкованием смысла и значения Реформации именно в этом духе.

**Народное направление
в Реформации.
Томас Мюнцер**

Выразителем народного революционного понимания Реформации стал Томас Мюнцер.

Мюнцер, ранняя биография которого неизвестна, выступил на историческую арену в первые годы Реформации как один из сторонников Лютера. Однако в 1520 г., прибыв по рекомендации Лютера в качестве священника и проповедника в саксонский город Цвиккау, Мюнцер не только обнаружил в совместной с лютеранами борьбе против францисканцев более резкий тон и репрессивные методы, но и показал, что исходит из иных классовых позиций, привлекая на свою сторону подмастерьев и беднейшие слои населения и вкладывая в понимание Реформации новое революционное содержание.

Существовавшая в Цвиккау среди ремесленников секта анабаптистов (т. е. перекрещенцев, требовавших крещения христиан в зрелом возрасте) под влиянием Мюнцера вышла из узких рамок сектантских идей. Члены этой секты сделали эмиссарами Мюнцера по распространению его революционного толкования Реформации по всей Саксонии, что в немалой степени встревожило ближайших сторонников Лютера и самого саксонского курфюрста.

В понимании Мюнцера главные задачи Реформации заключались не в установлении новой церковной догмы или новой формы религиозности, а в провозглашении близкого социально-политического переворота, который должен быть произведен массой крестьян и городской бедноты. Мюнцер ссылался на авторитет «слова божьего», но в самом Священном писании он усматривал лишь указания на необходимые действия людей. У Мюнцера мы не находим упоминания о какой-либо иной жизни, кроме земной. Он утверждал, что «земная жизнь должна быть возвышена до небес», т. е. очищена от зла. В этом смысле Мюнцер понимал и идеал установления «царства божьего на земле».

Само представление Мюнцера о «слове божьем» в корне отличало от лютеровского. Он обращает свой страстный гнев против «книжников» и буквоедов, которые знают только мертвые буквы и традиционные тексты. Настоящее слово божье, по мнению Мюнцера, — это живое слово, которое «избранные» воспринимают как истину и «откровение бога» в их собственном разуме. «Вера (для Мюнцера. — *Ред.*) — пишет Энгельс, — является не чем иным, как пробуждением разума в человеке, и потому обладать верой могли и язычники»¹. Энгельс поэтому заключает: «... религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму...»².

У Мюнцера нет представления о боге как о стоящей над миром индивидуальности. Для него бог неотделим от самого мира, это мир «в целом», сама идея «общего», вдохновляющая и подчиняющая себе все «творения», т. е. все, что существует в мире. Идеал совершенства, связанный у Мюнцера с его пониманием божества, является, по существу, социальным идеалом. Активную и самоотверженную деятельность человека для общего блага Мюнцер считал служением «богу».

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 370.

² Там же, с. 371.

Наоборот, всякое действие в эгоистических интересах против общего интереса Мюнцер определял как «безбожие». Борьба с социальным злом, борьба за устранение и уничтожение «безбожников» составляет, по Мюнцеру, задачу ревнителя «дела бога», и таким ревнителем он считал трудящийся народ. «Вся власть, — писал Мюнцер, — должна быть отдана простому народу». Под народом, согласно его собственному разъяснению, Мюнцер понимал крестьян и бедный трудящийся люд вообще. Врагами же «бога», против которых должен быть направлен народный меч, он считал тех, которые узурпируют общице богатства мира и обрекают «простой народ» — единственного носителя идеи высшей справедливости — на тяготы и постоянные заботы о куске хлеба. Дворянские замки и монастыри должны быть уничтожены, Германия должна перестать быть княжеской и дворянской, потому что, покрытая княжескими гнездами, она представляет собой «разбойничий очаг», — такова политическая программа Мюнцера.

Выступая против угнетения народа, Мюнцер проповедовал такой общественный строй, в котором нет классовых различий, нет частной собственности и не зависимой от членов общества и чуждой им государственной власти.

Характеризуя представления плебса того времени о социальном строе, Ф. Энгельс писал: «Нападки на частную собственность, требование общности имущества неизбежно должны были выродиться в примитивную организацию благотворительности; неопределенное христианское равенство могло, самое большее, вылиться в буржуазное «равенство перед законом»; упразднение всяких властей превращалось в конце концов в учреждение республиканских правительств, избираемых народом. Предвосхищение коммунизма в фантазии становилось в действительности предвосхищением современных буржуазных отношений»¹.

Мюнцер пошел значительно дальше непосредственных требований крестьян и плебеев. Но и его собственные представления о будущем обществе могли быть только фантастическими, к тому же они были облечены в мистическую оболочку.

Значение мюнцеровского учения заключается в том, что первоочередной задачей он считал революционное освобождение народа от эксплуатации и удовлетворение его повседневных нужд. Нападая на собственность и отвергая частные интересы, Мюнцер практически имел в виду ту собственность, которая являлась исходным пунктом угнетения народа и «шкуродерства», т. е. собственность крупных землевладельцев и богачей вообще. Укрепление трудовой мелкокрестьянской собственности Мюнцер, наоборот, считал необходимым условием освобождения бедного человека от феодального подчинения и его возвышения к «истинной» вере.

Практически Мюнцер помогал крестьянам в их реальных хозяйственных нуждах и поддерживал популярные лозунги антифеодальной борьбы крестьян. Особенно энергично Мюнцер отстаивал общинную крестьянскую собственность от посягательств крупных феодалов. «Об-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 364.

рати внимание на то, — писал Мюнцер, — что основа всякого ростовщичества, воровства и грабежа — это наши господа и князья. Они присвоили в собственность всякую тварь. Рыба в воде, птица в воздухе, всякая растительность на земле — все должно принадлежать им. Поэтому они распространяют среди бедных божью заповедь и говорят: бог заповедь — не укради; в нем же самим это не относится, хотя они доводят всех людей до нищеты. Они сдирают шкуру и мясо с бедного пахаря, ремесленника и всего живого».

Тесная связь Мюнцера с широкими массами народа в их борьбе против эксплуататоров сделала его вождем крестьянско-плебейского лагеря, который рассматривал Реформацию как путь к революционному переустройству общества.

Начало Великой Крестьянской войны

Общественное движение в Германии XVI в. достигло своего кульминационного пункта в Крестьянской войне 1524—1525 гг. Первые акты ее имели место в районах Южного Шварцвальда. Вспыхнувшие здесь летом 1524 г. восстания, центральным из которых было восстание крестьян в ландграфстве Штюллинген, вызвали большую тревогу австрийских властей и крупных феодалов, поскольку обнаружилась связь восставших крестьян с реформационным движением в городах.

Всеобщее внимание привлекал город Вальдсгут, отстаивавший право сохранить своего любимого проповедника — анабаптиста Балъазара Губмайера. Но Губмайер был не единственным анабаптистом, ведущим в то время пропаганду среди крестьян. Многие анабаптисты, вдохновляемые Мюнцером и его сторонниками, в последние месяцы 1524 г. распространяли идеи восстания среди крестьян этой местности.

Большинство крестьянских руководителей в этом первом районе восстания, в том числе и наиболее видный из них — Ганс Мюллер из Бульгенбаха, были склонны к переговорам с господами и являлись противниками революционной тактики. Однако пропаганда связанных с Мюнцером анабаптистов стала организующим фактором стихийно начавшихся здесь крестьянских волнений. Жалобы крестьян и городских низов на своих господ объединялись этими пропагандистами в общую программу борьбы угнетенного народа против всех господ, за новый социальный порядок.

«Статейное письмо»

В кругах, близких к Мюнцеру, в конце 1524 или начале 1525 г. была составлена первая программа революционного крестьянства — «Статейное письмо» (Artikelbrief), послужившее введением ко всем разнообразным требованиям и жалобам крестьянских общин.

«Так как до настоящего времени, — говорится в этом документе, — на бедных простых людей городов и деревень... налагались большие тяготы со стороны духовных и светских господ и властей, которых те и мизинцем не трогали, то из этого следует, что подобного бремени и стягочения невозможно ни переносить, ни терпеть, если только простой бедный человек не хочет пустить совсем по миру с нищенским посохом себя самого, свое потомство и потомство

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ (1524-1525)

потомства». Объединившемуся народу, говорится далее, необходимо «освободиться полностью». Мирное решение этой задачи допускалось бы только в том случае, если бы все объединились в целях переустройства жизни на основе принципов «общей пользы». В условиях же существования указанных тягот дело не обойдется без кровопролития.

Дальше говорится, что все те, кто уклонился и отказался вступить в братское объединение и заботиться об «общей пользе», должны быть поставлены вне общества. Те, которые не служат общей пользе, сами не должны пользоваться услугами других членов общества. Их следует считать отрезанными и атрофированными членами, они должны быть подвергнуты «светскому отлучению».

В силу этого все замки знати и все монастыри, являющиеся источником предательства и народного гнета, должны быть немедленно объявлены в «светском отлучении». Только там, где дворянство, монахи или священники откажутся от особого положения, направятся в обыкновенные дома, как другие «чужие люди», и захотят вступить в братское объединение, они должны быть дружески и добровольно приняты вместе со своим имуществом и получать все, что полагается им по «божественному праву».

Документ не содержит никаких конкретных предложений по разрешению спорных вопросов с господами и никакой просьбы облегчения тягот. Его составители заявляли о полном устранении силами народа феодальных господ и полном упразднении зависимости от них крестьян. Объединенный народ ликвидирует враждебные очаги и установит тот порядок, который он считает справедливым, полагая, что и все прочие должны иметь то, что им принадлежит согласно «божественному праву». В основу этой программы положен принцип передачи власти народу, т. е. тот принцип, на котором настаивал Мюнцер.

В Южном Шварцвальде стихийно образовалось большое число отрядов восставших крестьян. Господская партия (местные феодалы, верхушка городов и австрийские власти) стремилась внести разложение в ряды восставших путем переговоров и словесных обещаний. Многие вожаки отрядов оказались столь наивными, что поверили господам. Однако революционные группы восставших отвергали подобные попытки господ и призывали крестьянские массы к борьбе. Эти группы не были объединены и неодинаково представляли себе цели борьбы, но следовали призывам «Статейного письма», которое стало таким образом первой и самой революционной программой Крестьянской войны.

**Революционные события
в Верхней Швабии
и возникновение
«12 статей»**

Революционная пропаганда распространялась анабаптистами — учениками Мюнцера — и в других районах Южной и Западной Германии, прежде всего в Верхней Швабии, где близ городов Ульма, Кемптена и у Боденского озера образовались крупные крестьянские отряды. В этих отрядах велась также пропаганда умеренности и мирной тактики, исходившая от сторонников цюрихского реформатора Цвингли.

Пропагандисты обоих направлений призывали крестьян добиваться «божественного права», причем каждое из них понимало это право по-своему: революционеры — как требование устранения всех господ, а сторонники умеренной тактики — лишь как требование смягчения существующих феодальных тягот и отмены крепостного права. Зажиточные крестьяне и большинство руководителей придерживались мирной тактики, масса же беднейшего крестьянства в отрядах жадно слушала проповеди сторонников Мюнцера.

В начале марта 1525 г. в городе Меммингене три главных отряда Верхней Швабии образовали «Христианское объединение». Несмотря на достигнутое представителями отрядов соглашение об уставе «Объединения», вопрос о понимании «божественного права» остался открытым. Умеренные руководители начали переговоры со Швабским союзом и заключили перемирие, на которое господская партия, занятая собиранием сил для разгрома крестьянских отрядов, смотрела как на средство выиграть время. Пока же крестьянские массы, поощряемые революционной пропагандой в духе «Статейного письма», разоряли замки и монастыри, вступали в контакт с социальными низами городов.

В кругах руководителей объединенных отрядов Верхней Швабии была составлена сводка крестьянских требований, обобщенных на основе «божественного права» в его умеренной трактовке. Так возникла ставшая знаменитой программа «12 статей». Как во введении, так и в самих статьях говорится о мирных намерениях крестьян и их стремлении только к смягчению феодального гнета. Требуя отмены малой десятины, статья 2 признает обоснованность большой десятины при условии, что она будет использована на общественные нужды. Очень важными являются статьи 4, 5, 10, в которых крестьяне требуют возвращения общинных угодий (леса, луга, рыбные ловли и т. д.). Статьи эти доказывают, что экспроприация общинных угодий шла в Германии в XV и XVI вв. полным ходом. В статьях 6 и 7 крестьяне просят лишь облегчения многочисленных поборов и барщины, но не их полного устранения. Более решительно сформулирована статья 3 об отмене крепостного состояния крестьян. Статья 11 требует безоговорочной отмены посмертного побора (Todfall), происхождение которого связано с крепостным состоянием.

«12 статей» получили большое распространение среди восставших крестьян, были напечатаны и сделались их официальной программой. Однако намерения составителей статей внести в среду крестьян дух соглашательства с господами не увенчались успехом. Крестьянские массы сочетали конкретные требования «12 статей» с революционной тактикой «Статейного письма». Таким образом, «12 статей», несмотря на их умеренный тон, получили значение программы антифеодальной борьбы.

Для настроения крестьянской массы характерны действия Лейпгеймского отряда, расположившегося недалеко от города Ульма на Дунае. Заняв все дороги, этот отряд расставил посты и вербовал

в свои ряды всех крестьян округа. Бойцы из Лейпгеймского отряда не желали считаться с условиями заключенного руководителями «Христианского объединения» перемирия с господами. 28 марта 1525 г. крестьяне из расположившегося близ города Бибераха лагеря пришли в Гегбахский женский монастырь. Осмотрев монастырские запасы зерна, они заявили аббатиссе, ссылаясь на положения Евангелия о равенстве всех людей, что излишки зерна надо не продавать, а раздавать нуждающимся, и тут же стали грузить зерно на подводы и увозить. Этот эпизод показывает, как сильно зазвучало крестьянское требование равенства.

В последние дни марта 1525 г. во время «перемирия» в Верхней Швабии все замки и монастыри оставались под угрозой, а многие из них были вынуждены сдать осаждавшим их крестьянам.

Нарастание революционного настроения наблюдалось и в городах. Правда, власти верхнешвабских городов были на стороне господ. Однако по признанию самих властей «простой люд» городских общин симпатизировал крестьянам и оказывал им помощь. Руководители Швабского союза выражали опасение, что дальнейшие успехи революционных сил приведут к отпадению и средних слоев горожан, что даже городские власти захотят использовать ситуацию в своих интересах, а это означало бы начало распада самого Швабского союза и подрыв мощи всей княжеско-феодальной системы. Убедившись в том, что дальнейшее развитие событий ведет к консолидации сил крестьян и городских низов, руководители Швабского союза нарушили перемирие и напали на крестьянские отряды Верхней Швабии. Возглавлявший военные силы Швабского союза Георг Трухзес рассчитывал внезапным нападением внести в ряды крестьян раскол и подорвать силу их сопротивления.

Расчет Трухзеса оказался ошибочным. Возмущение крестьян, вызванное этим вероломным актом, создало благоприятную почву для революционной пропаганды и явилось предпосылкой нового общего подъема массовых революционных действий, распространившихся за пределы Верхней Швабии и Шварцвальда по всей Средней Германии. Отдельные отряды крестьян оказывали Трухзесу ожесточенное сопротивление. В горных районах, недоступных для рыцарской конницы, Трухзес вынужден был перейти к позиционной войне. У городка Вейнгартен, севернее Боденского озера, Трухзес, зажатый крестьянскими отрядами, почувствовал, по его собственному выражению, близость военной катастрофы. Спасло его лишь то, что ему удалось деморализовать крестьян переговорами с отдельными вожаками отрядов и, действуя всюду шантажом и предательством, внести раскол в ряды восставших. К концу апреля 1525 г. основные силы верхнешвабских крестьян были разбиты, после чего Трухзес смог направить свои войска на север в сторону Франконии и Средней Германии, где создавались новые очаги движения.

Ход событий в Южной Франконии и Оденвальде. Гейльброннская программа

При изучении событий Крестьянской войны в районах севернее Дуная следует отдельно рассматривать район Южной Франконии и Оденвальда между Верхним Дунаем и Майном на обоих берегах реки Неккар с городами Гейльбронном и Роттенбургом и район Средней Германии, охватывающий франконские земли севернее Майна и Тюрингию. В обоих районах не было очень крупных городов. Аристократический патрициат не имел здесь такого влияния, как в южных городах. Заметную роль играло в городах Франконии и Тюрингии среднее бюргерство, стремившееся к более активному участию в Крестьянской войне. Но как социальный состав, так и тактика среднего бюргерства не были едиными. В нем различались предпринимательские элементы — хозяева более крупных мастерских, мануфактур, солеварен, страдавшие от препятствий, чинимых их деятельностью князьями и феодалами, но придерживавшиеся умеренной тактики, мастера и торговцы, приближавшиеся по своему положению к плебсу и выступавшие на стороне крестьян.

Сторонники революционной тактики пользовались среди массы восставших большим влиянием и составляли значительную силу в крестьянских отрядах Франконии. Яков Рорбах, предводитель крестьян Неккарской долины, яркий образец крестьянского революционера времен Великой Крестьянской войны, руководил решительными действиями по подавлению сопротивления франконских господ. По приговору созданного им трибунала были подвергнуты позорной казни — прогону сквозь пики — вюртембергский фогт граф Людвиг Гельфенштейн, первым открывший военные действия против восставших, и 13 его сторонников. Весть об этой казни при Вейнсберге быстро распространилась по всей стране и привела в ужас господ. Многие феодалы из страха перед восставшими вынуждены были давать крестьянским отрядам продовольствие и оружие.

Революционные действия крестьян против монастырей и замков встречали сочувствие и поддержку не только городского плебса, но и радикальной части бюргерства. В разгар борьбы против правящей верхушки Гейльбронна демократические элементы города открыли 17 апреля 1525 г. ворота крестьянам.

Одновременно — в марте и первой половине апреля 1525 г. — в округе города Роттенбурга на Таубере действовал революционный отряд восставших крестьян, названный «Черный отряд». Во главе его стоял Флориан Гейер, рыцарь по происхождению. В молодости Гейер находился под влиянием рыцарской оппозиции и Ульриха фон Гуттена. Но в отличие от Гуттена он, разорившись, полностью порвал со своим сословием. Политическая программа обреченного низшего рыцарства не привлекала Флориана Гейера. Во время Крестьянской войны он оказался среди восставшего народа и был одним из смелых предводителей крестьян в районе между городами Роттенбургом и Эрингеном.

Однако в дальнейшем в городах и в крестьянских лагерях Южной Франконии и Оденвальда одержали верх сторонники умеренной

тактики. Умеренные элементы бюргерства, объединившись здесь с остатками разбитого рыцарства, пытались оживить движение за старые бюргерские проекты имперской реформы и использовать революционное движение крестьянства, подчинив его своим целям. Эти деятели добились во второй половине апреля руководящей роли в образовавшемся в Южной Франконии сводном крестьянском отряде, получившем название «Светлый отряд», в состав которого вошел и возглавлявшийся Флорианом Гейером «Черный отряд». Начальником полевой канцелярии «Светлого отряда» стал Вендель Гиплер, видный деятель умеренной бюргерской оппозиции. Мечтая о буржуазном преобразовании Германии не путем союза с крестьянством и полного устранения феодального гнета, а путем сближения бюргерства с рыцарством и приспособления к интересам бюргерско-рыцарского союза крестьянского движения, Гиплер задался целью ослабить антидворянскую направленность крестьянского движения и прежде всего прекратить нападения на замки и монастыри. Гиплеру удалось добиться приглашения в качестве командующего крестьянскими силами Франконии воинствующего франконского рыцаря Геца фон Берлихингена, который поставил условием своего согласия отказ от вражеских действий против замков и монастырей. Противники этой тактики — Яков Рорбах и Флориан Гейер — были отстранены от руководящей роли в «Светлом отряде» и вынуждены вместе со своими сторонниками уйти из него.

С целью ослабить значение самостоятельной крестьянской антифеодальной программы Вендель Гиплер и его сторонники взялись за исправление «12 статей», изменив их так, что сами требования стали менее определенными, а их выполнение откладывалось до проведения имперской реформы. Гиплер и его приверженцы подготовили свой проект политического переустройства Германии, который они намеревались предложить крестьянским руководителям на намечавшемся съезде делегатов крестьянских отрядов в Гейльбронне.

Согласно этому проекту, известному под названием «Гейльброннская программа», все власти должны быть подчинены императору, а князья — превращены в должностных лиц империи. Пятый пункт проекта требовал, чтобы духовенство было полностью лишено власти в светских делах. Предусматривалось общее имперское законодательство и выборный суд на основе сословного представительства, в котором большинство мест принадлежало бы городам. Ряд пунктов требовал единства монеты, мер и веса и отмены всех внутренних таможенных пошлин. Проект запрещал деятельность крупных торгово-ростовщических компаний и выдвигал требование изгнания докторов римского права, находившихся на службе у князей и отстаивавших интересы своих суверенов. «Гейльброннская программа» допускала возможность выкупа крестьянами феодальных повинностей путем единовременной уплаты ежегодного взноса в двадцатикратном размере. Феодал ничего не терял: отдав сумму выкупа в рост, он даже при 5% годовых получал бы тот же доход. Это требование сводилось в конечном итоге к превращению части фео-

дальной собственности в буржуазную и удовлетворяло только самую зажиточную верхушку крестьян.

Составители «Программы» старались сделать ее выгодной и рыцарству, в интересах которого сохранялся сословный строй и производилась конфискация церковных имений. Ориентация авторов «Программы» на союз с оппозиционным рыцарством видна также из того, что такие важные для крестьянства пункты, как отмена крепостного состояния, свобода охоты и рыбной ловли и отмена поземельного побора, вошли не в ее основную часть, а в дополнительный документ и сопровождались уничтожающими их оговорками.

В целом «Гейльброннская программа», предусматривавшая ряд буржуазных преобразований и государственную централизацию, являлась для того времени прогрессивным документом. Требования этой программы, по выражению Ф. Энгельса, «воплотили в себе, хотя и в несколько идеализированном виде, необходимые результаты происходившего разложения феодального общества»¹. О вдохновителе и главном авторе «Программы» Венделе Гиплере Ф. Энгельс писал, что этот «представитель, так сказать, средней равнодействующей всех прогрессивных элементов нации, пришел к предчувствию *современного буржуазного общества*»². Однако при оценке этой программы необходимо иметь в виду, что она составлялась в те дни, когда в Тюрингии и Северной Франконии революционное крестьянское движение принимало широкий характер с тенденцией вовлечь все силы, готовые вести решительную борьбу против феодалов и князей, что, однако, не входило в расчеты Венделя Гиплера и его приверженцев.

Трухзес во главе войск Швабского союза прибыл во Франконию в момент, когда Гиплер и его сторонники готовились созвать съезд крестьянских делегатов для обсуждения проекта «Гейльброннской программы». Само собой разумеется, что двойственная тактика бюргерских руководителей и командование Геца фон Берлихингена могли привести крестьян только к поражению. Действуя теми же методами переговоров, перемирия и вероломных нападений, Трухзес, использовавший к тому же предательскую тактику ряда городских магистратов, смог и здесь расстроить ряды крестьянского войска и подавить их сопротивление.

12 мая 1525 г. во время перемирия войска Швабского союза внезапно напали на крестьянские соединения в районе между рекой Неккер и городом Бёблингеном. Несмотря на мужественное сопротивление крестьяне были разбиты и обращены в бегство. Поражение под Бёблингеном получило решающее значение для судеб восставших во всей Южной Франконии. Многие революционные предводители вынуждены были бежать, а взятого в плен Якова Рорбаха подвергнули жестокой казни — сожжению на медленном огне. Дольше сопротивлялся Флориан Гейер, продолжавший сражаться во главе собранных им остатков «Черного отряда» в восточ-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 413.

² Там же.

ной части долины Верхнего Неккара. В бою у Халля и Гайльдорфа он был убит. 9 июня 1525 г. Радикальные элементы бюргерства, призывавшие к поддержке крестьян, в крупных городах были немногочисленны. Магистраты Вюрцбурга и других франконских городов открывали ворота войскам Трухзеса, которые убивали всех находившихся внутри городских стен крестьян.

**События
Крестьянской войны
в Средней Германии**

Одновременно с описанными событиями в Южной Франконии и Оденвальде крестьянское и плебейское движение развернулось с большой силой в землях Средней Германии — в Северной Франконии и в Саксонско-Тюрингенском районе. Основными центрами в Северной Франконии были монастыри Бильдхаузен и Аура, занятые крестьянами. 9 апреля 1525 г. Расположившимся вокруг этих монастырей мощным крестьянским лагерем, установившим во всем районе свое господство, формально подчинились многие города и рыцарские замки. В Тюрингии центром движения был город Мюльхаузен, в котором с середины февраля 1525 г. находился вернувшийся из земель Верхнего Рейна Томас Мюнцер. Вскоре после прибытия Мюнцера революционными действиями плебса и части бюргеров старый магистрат Мюльхаузена был свергнут, а образовавшийся новый «Вечный совет» города фактически находился под влиянием Мюнцера и его близких сторонников.

Движение охватило другие города и сельские местности Тюрингии, а также соседних герцогств и графств. Вооруженные отряды восставших занимали города, замки, монастыри и господские имения, производили разделы имущества феодалов среди крестьян и горожан, объявляя свои действия началом общего социального переворота, установления общего равенства людей во всей стране и за ее пределами. Борьба за конкретные повседневные нужды объединялась в пропаганде Мюнцера с борьбой за великую цель, к которой должны быть привлечены все силы движения.

Большое значение Мюнцер придавал революционному подъему, нараставшему в горных районах не только Саксонии и Тюрингии, но и в соседних с Саксонией районах Чехии. Об объединении назревавшего в Германии революционного взрыва с движением в Чехии, где еще живы были революционные традиции таборитов, Мюнцер мечтал еще в 1521 г., когда он, направляясь в Прагу, посетил горные районы Северо-Западной Чехии, в том числе и прославившийся тогда новый горный город Яхимов. Особенностью народного движения в горных районах как Чехии, так и соседних германских земель была его направленность против режима на промыслах, обеспечивавшего установившим его герцогам и графам значительную часть богатой добычи серебра и меди, но препятствовавшего свободному развитию этой переживавшей тогда эру бурного расцвета отрасли промышленности.

Во второй половине апреля 1525 г. Мюнцер считал, что объединение усилившегося антикняжеского движения в горных районах Саксонии и Северо-Западной Чехии с Крестьянской войной во Франконии и Тюрингии имело бы решающее значение в общей

борьбе за устранение тиранов и угнетателей народа. В своем обращении к тюрингскому городу Альштедту Мюнцер призвал присоединиться к общему восстанию «деревни и города и особенно горнорабочих и других добрых друзей», т. е. другие слои горного населения, также заинтересованные в устранении княжеского режима. На такой широкой основе Мюнцер хотел создать в Тюрингии революционный центр для всей Крестьянской войны.

По призыву Мюнцера все его сторонники собрались у Франкенхаузена в Тюрингии и образовали здесь военный лагерь. Туда же из Мюльхаузена во главе вооруженного отряда прибыл и сам Мюнцер. Ближайшей задачей концентрировавшихся у Франкенхаузена восставших было объединение (по плану Мюнцера) с сильнейшими отрядами франконских крестьян до прихода войск Трухзеса в Среднюю Германию, для того чтобы отбросить Трухзеса, разбить его войска, а затем слиться с остатками разгромленных сил крестьян в Южной Германии.

Наблюдая военные приготовления князей и попытки местных графов внести разложение в ряды восставших путем переговоров, Мюнцер старался поднять боевой дух Франкенхаузенского лагеря. Он призывал своих бойцов к стойкости и непримиримости и самым беспощадным образом пресекал проявления слабости и деморализации. С воодушевлением Мюнцер рисовал перед восставшими величественную картину «царства божия на земле», под которым он понимал справедливый общественный строй без князей, без господ и без эксплуататоров и призывал крестьян проникнуться сознанием великой цели, которую они призваны осуществлять, и действовать решительно, не боясь превосходящих сил врагов.

Князья Средней Германии спешно создали войско, которое под командованием ландграфа Филиппа обрушилось на Франкенхаузенский лагерь. В неравном бою 15 мая 1525 г. отряды восставших были разбиты. Мюнцер был схвачен и подвергнут жестокой пытке в присутствии князей, но никого из своих живых сторонников не выдал. После пыток он был казнен. 25 мая сдался Мюльхаузен, и движение в Тюрингии было подавлено.

После этого крестьянские силы продолжали еще некоторое время сопротивляться в славянских землях Австрии — Штирии, Каринтии и Крайне. Наиболее же ярким фактом после подавления восстания в основных германских землях была борьба крестьян в Тироле, где австрийский эрцгерцог был вынужден пойти им на уступки и созвать ландтаг.

Замечательным предводителем восставших крестьян Тироля, боевые действия которых продолжались в 1526 г. и позже, был Михаил Гайсмайер, революционер и мыслитель. В начале 1526 г. Гайсмайер составил для Тироля «Земское устройство» (Landesordnung) — программу коренных политических преобразований, один из выдающихся документов Великой Крестьянской войны. Цель этой программы — установление в Тироле народной республики на глубоко демократической основе. Наряду с общими антифеодальными требованиями «Земское устройство» Гайсмайера содержало

пункты о демократизации суда, о призрении бедных за счет десятины, о роспуске монастырей и превращении их зданий в госпитали и приюты для детей. Предусматривалось, что государство, устранив и истребив господ и угнетателей народа, должно будет запретить крупные купеческие компании и развить большую хозяйственную деятельность по организации горного дела, по подъему сельского хозяйства и развитию новых культур, по строительству дорог и мостов. Государство должно регулировать использование полей, лугов и недр земли.

Ф. Энгельс назвал Гайсмайера «одним из последователей Мюнцера», хотя данных о непосредственных связях между этими выдающимися революционерами нет. Принципы, лежащие в основе программы Гайсмайера, восходят к положению Мюнцера о том, что «власть должна быть отдана простому народу», и лозунг «общей пользы» есть требование устранения всех господ и угнетателей народа. У Гайсмайера, обнаружившего понимание роли революционного государства, дана детальная разработка этих принципов. В своей программе он стремился указать конкретную форму их применения в условиях Тироля.

В конце 1525 г. Гайсмайеру удалось сформировать революционные отряды из крестьян и горняков Тироля и Зальцбурга, к которым примкнули многие участники Крестьянской войны, нашедшие убежище в горных областях Тироля. Обладая незаурядным талантом полководца, Гайсмайер в борьбе с двинувшимися против него с разных сторон войсками австрийского эрцгерцога, баварцев и Швабского союза провел ряд успешных операций и сохранил свои боевые отряды. Окруженный превосходящими силами врагов, Гайсмайер сумел вывести часть своих войск из окружения, перейти с ними через австрийские Альпы в Венецианскую область и начать их реорганизацию. Он вступил также в переговоры со швейцарцами и венецианцами о совместной борьбе против Габсбургов. Но во время этих переговоров Гайсмайер погиб от руки подосланного австрийским правительством убийцы.

Причины поражения Великой Крестьянской войны

С подавлением восстания в Тироле завершился последний акт Крестьянской войны. За победителями неизменно шли палачи. На крестьян, оставшихся в живых, налагались огромные контрибуции, совершенно их разорявшие. К казням и террору призывал Лютер. Он писал: «Крестьяне отдались дьяволу... Пусть всякий колет, бьет и душил их тайно и явно, как убивают бешеных собак... князь скорее заслужит царство небесное пролитием крови, чем молитвами...». Лютер советовал дворянам увеличивать барщину и восстановить крепостничество.

История Великой Крестьянской войны, образующей вместе со всем общественным движением эпохи Реформации первый этап буржуазной революции в Европе, показывает, что главной силой в борьбе с феодализмом был крестьянско-плебейский лагерь. Поражение восставших крестьян имело роковые последствия для всего немецкого народа.

Причину поражения великого восстания немецкого крестьянства в XVI в. Энгельс видел в разрозненности крестьянских выступлений и неумении всех слоев оппозиции возвыситься над местными и провинциальными интересами, в том, что «даже крестьяне и плебеи в большинстве районов Германии не смогли объединиться для совместных действий...»¹. Останавливаясь на этом указании Энгельса, В. И. Ленин подчеркивал, что речь идет о таких особенностях классовой природы крестьянства, которые лишают его возможности одержать победу в самостоятельных выступлениях без руководства со стороны другого класса².

Объективно перед восставшими немецкими крестьянами и городским плебсом стояли две главные задачи — ликвидация феодальной эксплуатации и прекращение политической раздробленности страны. Положительное решение этих задач устранило бы препятствия к переходу Германии на путь буржуазного развития. В этих условиях решающее значение приобретала позиция немецкого бюргерства: окажется ли бюргерство способным не только участвовать в антифеодальном восстании, но и возглавить его? Ход событий показал, что, несмотря на объективную заинтересованность передовых элементов бюргерства (уже в какой-то мере обуржуазившихся) в победе над феодализмом, в целом оно оказалось неспособным возвыситься над местной ограниченностью и освободиться от опутывавших его связей с миром феодальных отношений для того, чтобы выступить руководителем всех антифеодальных сил.

Лютеровская Реформация. «Аугсбургское вероисповедание»

Подавление Крестьянской войны и разгром всего общественного движения этой эпохи открыли дорогу к усилению княжеской власти. Лютеровская Реформация, лишившаяся связи с народом, выродилась в орудие княжеского сепаратизма и секуляризации церковных земель в пользу князей. Когда император Карл V в 1529 г. приостановил секуляризацию, сторонники Лютера заявили протест (отчего их и стали называть протестантами) и стали добиваться соглашения с заинтересованными в приобретении церковных земель католическими князьями. Это не могло не отразиться на самой системе лютеранства. Лютер и его ближайшие сторонники видели теперь свою задачу не столько в борьбе с католической догматикой, сколько в том, чтобы приспособить церковь к интересам князей.

На Аугсбургском сейме 1530 г. ближайший соратник Лютера Филипп Меланхтон представил императору систематическое изложение основ лютеранства, известное под названием «Аугсбургское вероисповедание». В этом документе наряду с положением о том, что князь, а не папа является главой церкви, устанавливалась обрядовая и внешняя сторона лютеранского культа. Обрядность была создана в духе буржуазного требования «дешевой церкви» Упразднена внешняя пышность католического культа, почитание икон

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 435.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 41.

и мощей; вместо торжественной католической мессы вводилась простая литургия, в которой большое место занимала проповедь, а из семи таинств оставлено было только два — таинство крещения и причащения. Самый факт создания церкви и церковной организации верующих свидетельствовал об отступлении Лютера от первоначального принципа «оправдания только верой».

**Анабаптисты после
Крестыанской войны.
Мюнстерская коммуна**

После разгрома Крестыанской войны и наступившей реакции часть анабаптистов вернулась к сектантству, к пропаганде идеи ожидания социального переворота от сверхъестественных сил, от вмешательства самого Христа. Вместе с тем среди этой части анабаптистов распространялось учение скорняка Мельхиора Гоффмана о том, что после победы Христа наступит час, когда потребуются и активное участие людей — ревнителей дела бога.

Однако в народных массах и среди анабаптистов сохранились и революционные элементы, которые продолжали верить, что наступление «царства божия» на земле невозможно без народного восстания. Уже в 30-х годах XVI в. революционная пропаганда в духе учения Томаса Мюнцера велась в городах Северо-Западной Германии, вступивших тогда вместе с городами соседних Нидерландов в полосу нового экономического подъема и обострения социальных отношений. В этих городах, ставших, как и нидерландские города, средоточием и убежищем анабаптистов, оживилась политическая оппозиция и началась борьба за Реформацию. Наиболее ярко новое революционное движение проявилось в Мюнстере.

В 1533 г. в Мюнстере победили сторонники Реформации. После изгнания из города князя-епископа в Мюнстер из других городов Вестфалии и Нидерландов начали стекаться анабаптисты, влияние которых в обстановке обострившейся классовой борьбы сильно возросло. В феврале 1534 г. анабаптисты, связанные с плебейскими массами Мюнстера, получили большинство в магистрате и фактически захватили власть в городе. Во главе их стояли прибывшие из Нидерландов булочник Ян Матис и портной Иоанн Лейденский (Боксельсон).

Господство анабаптистов в Мюнстере продолжалось 14 месяцев (до июня 1535 г.). Город был объявлен «Новым Иерусалимом», т. е. центром «Царства божьего», которое должно быть, согласно проповеди Яна Матиса, установлено на земле мечом «праведных». В обстановке вражеской осады анабаптисты провели в Мюнстере ряд преобразований. Ремесленные мастера, в руках которых сохранились орудия производства и на которых работали, как и прежде, подмастерья, обязаны были выполнять заказы городской общины и подчиняться ей в деле организации производства вообще. Община распорядилась раздачей отдельным лицам земельных участков для обработки. Золото, серебро и драгоценные вещи подлежали конфискации в общую пользу. Деньги были упразднены, производился только натуральный обмен.

В области потребления политика Мюнстерской коммуны содержала некоторые элементы потребительского коммунизма. Предметы

потребления брались на учет особыми должностными лицами («диаконами»). Они же имели право отбирать излишки для распределения среди нуждающихся. Практиковалось устройство общих трапез.

Значение Мюнстерской коммуны заключалось не столько в ее социальных преобразованиях, которые не выходили за рамки уравнительства, проводились к тому же непоследовательно и в основном диктовались военной обстановкой, сколько в том, что после поражения Крестыанской войны она показала пример готовности к революционной борьбе против восторжествовавшей феодально-княжеской реакции.

В условиях реакции Мюнстерская коммуна осталась изолированной, несмотря на то что некоторые города Германии и Нидерландов послали ей на помощь вооруженные отряды. После длительной героической обороны Мюнстер пал. Оставшиеся в живых деятели Мюнстерской коммуны, в том числе Иоанн Лейденский, были после жестоких пыток казнены.

**Шмалькальденский
союз,
Шмалькальденская
война и Аугсбургский
религиозный мир**

Враждебное отношение императора Карла V к лютеранству, проявившееся уже в 1521 г., когда против Лютера был издан Вормский эдикт, усилилось после того, как лютеранская церковь сделалась оружием княжеского сепаратизма. Видевший в усилении князей опасность для своих планов создания всехристианской габсбургской державы, Карл V стремился к подавлению лютеранства путем строгого применения Вормского эдикта. Протестантские князья вместе с некоторыми имперскими городами в ответ на это составили еще в 1531 г. в городе Шмалькальдене союз для защиты дела Реформации. В 1546 г., после того как на сторону протестантов перешли трое из семи курфюрстов, между императором и Шмалькальденским союзом началась война, закончившаяся в 1548 г. победой императора; однако эта победа не была окончательной. В 1552 г. протестантский Шмалькальденский союз вместе с французским королем Генрихом II начал против императора вторую войну, закончившуюся их победой. После второй шмалькальденской войны протестантские и католические князья заключили между собой и с императором в 1555 г. Аугсбургский религиозный мир, согласно которому княжеский суверенитет, объявленный незыблемым, распространялся и на область религии. Провозглашен был принцип, выраженный в формуле «Cuius regio eius religio» («Чья власть, того и вера»), т. е. каждый князь определяет религию своих подданных. За князьями призвано было право назначения на высшие церковные должности, а также в консистории — органы церковного управления, состоявшие из духовных и светских лиц. Лютеранские консистории были целиком подчинены княжеской власти и являлись составной частью органов княжеской администрации.

В результате религиозного мира 1555 г. в Германии образовались две группировки немецких княжеств — католическая (наследственные земли Габсбургов, Бавария, Франкония, духовные княжества на Рейне и в Северо-Западной Германии, Эльзас) и протестантская.

стантская (северогерманские княжества, герцогство Пруссия, Бранденбург, Саксония, Гессен, Брауншвейг, Верхний и Нижний Пфальц, Вюртемберг). Протестантские князья оставались более решительными противниками великодержавной политики Габсбургов. После заключения религиозного мира, подтвердившего фактический распад империи, Карл V отрекся от престола. Австрийские владения, Чехия и часть Венгрии вместе с короной Священной Римской империи перешли к его брату Фердинанду I; Испания, Нидерланды и итальянские владения — к его сыну Филиппу II.

Таким образом, после поражения Великой Крестьянской войны борьба реакционных политических сил между собой привела к усилению и закреплению германской раздробленности.

§ 2. ГЕРМАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI И В НАЧАЛЕ XVII В.

Экономический упадок во второй половине XVI в.

Экономический подъем, происходивший в германских землях с 30—40-х и особенно с 70-х годов XV в., сменился около середины

XVI в. глубоким упадком, явившимся результатом сложного комплекса причин — как изменившегося международного экономического положения Германии, так и установившейся в стране после поражения Крестьянской войны политической и социальной реакции.

Во второй половине XVI в. начали сказываться последствия великих географических открытий, прежде всего новое направление путей мировой торговли. Торговые пути через североитальянские города и Германию не играли уже прежней роли, первостепенное значение в международной торговле получали пути, связывавшие заморские страны с побережьем Атлантического океана. Одновременно определился окончательный упадок Ганзейского союза северогерманских городов, вытесненного из балтийского торгового района буржуазной Голландией, которая, освободившись от испанского владычества в результате Нидерландской революции (см. гл. 28), вышла на первое место в мире по внешней торговле и мореплаванию.

Зародившееся в XV и в начале XVI в. капиталистическое производство Германии в форме мануфактуры не получило дальнейшего развития. В состоянии глубокого упадка стала приходиться и бурно процветавшая раньше горная промышленность Саксонии, Гарца, Тюрингии и австрийских земель — Тироля, Штирии, Каринтии и Крайны. Экономический упадок немецких городов и горных районов имел своим последствием сокращение емкости внутреннего рынка для сельского хозяйства. Это особенно чувствовалось в землях Западной и Юго-Западной Германии, в которых до этого наибольшее значение в сельском хозяйстве получили огородные, винодельческие и технические культуры для нужд развивающихся городов. Теперь перспективными оказались только те отрасли сельского хозяйства, продукция которых вывозилась за границу — в страны растущего капиталистического производства. Таким было

хлебопашество и животноводство. Крупным производителем хлеба на вывоз стали северо-восточные земли, где имелись наиболее благоприятные условия для культивирования зерновых.

Причины экономического упадка Германии со второй половины XVI в. заключались не только в перемещении торговых путей и в последовавших за этим потере рынков и застое в немецкой торговле, но и в том, что после подавления Крестьянской войны и победы феодальной реакции немецкая промышленность оказалась бессильной перед лицом конкуренции промышленности других стран. Для успешного развития мануфактуры требовалось распространение промышленности не только в городах, но и в деревенской округе, где не существовало цеховых преград и «патрицианской рутины». Однако «повсеместное восстановление крепостного права, — писал Энгельс, — явилось одной из причин, помешавших развитию промышленности в Германии в XVII и XVIII веках»¹)

Резкий упадок германской горной промышленности также был связан в значительной степени с результатами победы реакции. Усиление княжеской власти положило конец не только борьбе горнорабочих, но и оппозиции предпринимателей против режима феодальной монополии и больших поборов с горной продукции в княжескую казну, которые подрывали и парализовали предпринимательскую активность в разных областях горного дела. Со второй половины XVI в. начали сказываться отрицательные результаты передач Габсбургами богатейших горных разработок, особенно в австрийских землях, монополистическим компаниям Фуггеров, Гохштеттеров, Розенбергов, Унгельтеров и других, с конца XV в. вкладывавшим крупные средства в серебряные и медные разработки Тироля, в разработку руды в Идрии (Крайне), меди и свинца в Каринтии и т. п. Деньги этих компаний вкладывались в горную и металлургическую промышленность, главным образом австрийских земель; вначале это привело к значительному расширению рынков сбыта и даже к подъему производства, к улучшению оборудования шахт. Однако в целом подчинение горных богатств торговлоростовщическим компаниям наносило вред горному делу. Фуггеры не заботились о рациональном ведении производства и сохранении длительного функционирования шахт. Наоборот, они старались максимально использовать их и исчерпать в кратчайший срок, отчего многие шахты приходили в негодное состояние. Эти методы эксплуатации стимулировались и усиленным во второй половине XVI в. ввозом драгоценных металлов из американских колоний. В то же время Фуггеры использовали свои привилегии, которыми щедро наделяли их Габсбурги, для оттеснения массы мелких предпринимателей, деятельность которых в горном деле обеспечивала им средства к существованию, но не приносила средней нормы прибыли.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 105.

В условиях экономического упадка городов и сокращения внутреннего рынка сельское хозяйство получило новый стимул к расширению так как из районов к востоку от Эльбы хлеб (главным образом рожь) и промышлен-

ное сырье стали вывозить за границу. Восточно-германские феодалы получили возможность расширять свои хозяйства за счет крестьянских наделов и общинных земель и увеличивать предназначенную на вывоз продукцию, применяя в широких размерах барщинный труд. Мелкие крестьянские хозяйства становились придатком барского, которое обрабатывалось даровым крестьянским трудом и крестьянским инвентарем; они сохранялись в восточных землях лишь постольку, поскольку это представлялось феодалам необходимым для обеспечения своего собственного хозяйства трудом крепостных.

Таким образом, расширение товарного производства в сельском хозяйстве восточных земель происходило на основе феодальной реакции. Усилившееся после поражения Крестьянской войны крепостное право «во втором издании» сделалось в восточных землях, где существовали благоприятные условия для крупного производства товарного хлеба, орудием полного подчинения крестьян феодалам. В западных районах таких условий не было. Поэтому в западных и юго-западных землях Германии, хотя они и были исходным пунктом феодальной реакции и возобновления всеобщего крепостного состояния крестьянства, продолжала господствовать система мелких хозяйств, плативших феодалам главным образом денежный и натуральный оброк.

Крестьянское движение
1595—1597 гг.
в Австрии

Не во всех землях Германской империи крестьянское сопротивление возросшей феодальной эксплуатации было в одинаковой степени подавлено. В Австрии, где феодальная реакция сочлгалась с особенно сильной католической реакцией, поддержанной Габсбургами, основные войска которых были заняты в войне с турками, в 1595 г. вспыхнуло крупное крестьянское восстание. Восставшие выдвинули ряд требований против новых актов закрепощения, в частности упразднения произвольной нефиксированной барщины, многообразных феодальных поборов и судебного произвола феодалов. Раздавались голоса и о необходимости ликвидации феодального гнета вообще. Восстание началось в Верхней Австрии, где крестьянам помогали городская беднота и ремесленники, изготовлявшие для восставших холодное и огнестрельное оружие. Верхнеавстрийские феодалы направили вооруженный отряд против восставших, но этот отряд был наголову разбит превосходившими его силами крестьян и плебса. Дальнейшие события привели в 1596 и 1597 гг. к расширению восстания, охватившего Нижнюю Австрию, часть Баварии и районы близ швейцарской границы и грозившего перекинуться в Штирию, где начались волнения среди горнорабочих. В целях раскола движения император Рудольф II издал в мае 1597 г. указ об уменьшении некоторых поборов и ограничении бар-

щины 14 днями в году. Тогда умеренные элементы среди восставших, к которым принадлежал и их руководитель — бывший трактирщик Георг Таш, вступили в переговоры с правительством. Пока велись эти переговоры, восстания были подавлены, началась волна репрессий. Георг Таш и другие руководители после жестоких истязаний были казнены.

Империя и князья
после Аугсбургского
мира 1555 г.

После поражения Великой Крестьянской войны в Германии наступила политическая и общественная реакция. Положен был конец всему общественному движению эпохи Реформации, развернувшемуся на фоне экономического подъема XV и начала XVI в. Потерпели поражение все слои оппозиции, участвовавшие в движении. В выигрыше остались только князья, усиление которых означало усиление и закрепление политической раздробленности, что и было, по словам Энгельса, главным результатом поражения Крестьянской войны.

Областной и провинциальный сепаратизм, посетителями которого выступали многочисленные немецкие князья и имперские города, стал во второй половине XVI в. в еще большей степени, чем раньше, характерной чертой политической жизни Германии. Каждый князь в своих владениях был полновластным монархом. Правда, в отдельных случаях дворяне напоминали князьям о своих особых интересах. В чрезвычайных обложениях крестьян налогами со стороны князей дворяне усматривали ущерб для себя, так как это вело к уменьшению их исключительных «прав» на эксплуатацию крепостных. В таких случаях дворяне добивались ограничения власти князей ландтагами, т. е. сословными органами, санкционировавшими введение новых налогов. Однако в основном немецкое дворянство видело в князьях необходимую опору для проведения актов феодальной реакции и повсеместного восстановления крепостничества. С обострением классовых противоречий в деревне силы дворянства все более сплачивались вокруг княжеской власти, от которой дворяне ждали привилегий, доли в секуляризованных церковных имуществвах и прежде всего помощи против возможного сопротивления крестьян.

Несмотря на полный суверенитет князей, многочисленные немецкие княжества не могут рассматриваться как отдельные государства; каждый князь продолжал считать свои владения своей вотчиной. Территории княжеств то делились между наследниками князей, то вновь воссоединялись. Между ними постоянно происходили частные войны. В своей политике внутри территорий и в отношениях с соседями князья исходили из частных, а не из каких-либо государственных интересов. Само понятие «подданство» в немецких княжествах понималось скорее в смысле частнопрововом, а не публичноправовом. Говоря о сложившемся в Германии княжеском суверенитете, К. Маркс назвал его «немецким уродством», созданным «специальное немецкое «подданство», которое делало крестьян и бюргеров одинаково «крепостными» государя»¹.

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VII, с. 97.

Немецкие князья стремились к усилению своей мощи за счет ослабления императорской власти. Для наиболее крупных князей императорская власть и имперская политика стала средством, которое может быть использовано в интересах усиления своего княжества и своего влияния. Особенно усилилось влияние курфюрстов, которые перед выборами императора заставляли претендента на имперскую корону подписывать так называемую избирательную капитуляцию, лишавшую его свободы деятельности как во внутренней, так и во внешней политике.

Положение Австрии в Германской империи

Самыми крупными имперскими князьями были австрийские Габсбурги. В XVI в. в их владения входили Верхняя и Нижняя Австрия, Тироль, ряд областей в Юго-Западной Германии («Передняя Австрия») и славянские земли Штирия, Каринтия и Крайна. После поражения, нанесенного турками в 1526 г. объединенным военным силам чехов и венгров, владения Габсбургов расширились за счет королевства Чехии и части Венгрии, связанных личной унией с Австрией. Таким образом в XVI в. было положено начало Австрийской многонациональной монархии. Австрийские Габсбурги удерживали в своих руках имперскую корону. Однако и Австрийская монархия была ослаблена разделом ее владений в 1564 г. между тремя наследниками Фердинанда I, хотя императорская корона осталась за старшим сыном Фердинанда I — Максимилианом II. Отдельные немецкие князья выступали соперниками Габсбургов. Особенно опасным для Габсбургов было соперничество Баварии, усилившейся к началу XVII в.

Политическая борьба в Германии в конце XVI и в начале XVII в.

В общем хаосе непрерывной грызни и постоянных войн между многочисленными немецкими властелинами особенно выделялась борьба двух основных группировок князей — протестантов и католиков — главным образом из-за церковных земель и богатств. Протестантские князья, усиливавшиеся в результате секуляризации церковных имуществ, стремились к закреплению и расширению своих приобретений. В католическом лагере было много духовных князей, ярых противников секуляризации. Светские князья католического лагеря, хотя и заинтересованные в сохранении церковных имуществ, смотрели на католическую церковь как на политическую опору своей власти и не желали дальнейшего подрыва ее могущества.)

При первых двух императорах после отречения Карла V — (при Фердинанде I (1556—1564) и Максимилиане II (1564—1576), — хотя они сами были католиками, наблюдалось равновесие сил, выгодное протестантам, заинтересованным в то время в сохранении существующего положения.) Однако общая обстановка второй половины XVI в. — победа контрреформации на Тридентском соборе, агрессивная политика католической Испанской монархии и деятельность созданного в 1540 г. Ордена иезуитов — благоприятствовала в Германской империи наступлению католической реакции. К тому же протестантизм ослабляла внутренняя борьба между лютеранами

Северной и Восточной Германии и кальвинистами юго-западных земель.

При императоре Рудольфе II (1576—1612), который воспитывался при испанском дворе Филиппа II и был пезуитом, католическая реакция перешла в наступление в ряде земель Южной и Западной Германии. Основными ее проводниками были герцог Максимилиан Баварский и эрцгерцог Фридрих Штирийский, опиравшиеся на помощь Испанской монархии. С целью объединения своих военных сил протестанты организовали в 1608 г. Евангелическую унию, главой которой был избран Фридрих V Пфальцский. В следующем 1609 г. в противовес унии образовался союз католиков — Католическая лига под главенством Максимилиана Баварского. (Если Католическая лига опиралась на Испанскую монархию, то Протестантская уния видела свою опору во французском короле Генрихе IV.)

Таким образом, борьба между двумя лагерями в Германии затрагивала интересы крупных иностранных государств, соперничество между которыми становилось в то время главным моментом в системе международных отношений в Европе. Создавалась угроза переплетения внутригерманской борьбы и назревавших острейших международных конфликтов в один общий узел. В подготавливавшейся первой общеевропейской (Тридцатилетней) войне раздробленной и раздираемой внутренней борьбой Германии предстояло сделаться основным полем битвы столкнувшихся между собой иноземных и внутренних сил.

Культурное развитие Германии в XVI — начале XVII в.

Переживавшийся Германией в конце XV в. и в первые десятилетия XVI в. большой общественный подъем явился важным стимулом роста в разных слоях немецкого народа национального самосознания и отразился на всем культурном развитии страны этого и последующего времени. Это проявилось прежде всего в развитии национального немецкого языка. У представителей передовых кругов немецкого народа, видевших спасение Германии в ее политическом и культурном объединении, все более и более проявлялось стремление к единому немецкому языку. Расцвет книгопечатания и большой поток пропагандистской литературы в первые годы Реформации способствовали сглаживанию различий местных диалектов. Важным моментом в оформлении этой тенденции явился перевод Лютером Священного писания на немецкий язык. Желая сделать свой перевод понятным в разных германских землях, Лютер обратился к языку практической жизни, стремясь найти в нем наиболее общие элементы немецкого языка. Взятый им за основу язык канцелярий, язык «замков и дворцов» представлялся Лютеру недостаточным. Жизнь и силу языку его перевода придавало, по собственному признанию Лютера, наблюдение над языком народа.

Ярким проявлением подъема в культурной жизни Германии этого времени была (см. гл. 1) гуманистическая литература, затем литература памфлетов и листовок бурных лет Крестьянской войны, в которых дебатировались злободневные проблемы политической и

социальной жизни. Правда, большинство гуманистических произведений печаталось на латинском языке, они распространялись главным образом среди сравнительно узкого круга гуманистической интеллигенции, больше всего — в университетских кругах. Однако в своих лучших произведениях гуманистическая литература была связана с народной традицией. В ряде полемических сочинений писателей-гуманистов положение народных масс, несправедливое отношение к ним феодалов и католического клира описывается весьма реалистически.

Среди немецких писателей XVI в. были замечательные художники слова, подлинно народные писатели. К ним принадлежал и крупнейший немецкий поэт Ганс Сакс (1494—1576), нюрнбергский бюргер, сын портного и сам мастер сапожного цеха. Он был вместе с тем и выдающимся мастером народного певческого искусства (мейстерзингером) и автором многих назидательных басен, песен, коротких анекдотических рассказов (шванков) и драматических произведений. Ганс Сакс насыщал свои произведения реалистическим содержанием, рассказывая в тоне добродушного юмора о жизни простых людей, о забавных и трагических сценах их жизни и быта. Нередко у него звучат социальные мотивы: он повествует о господах, угнетающих и обирающих простых людей. Несмотря на то что Ганс Сакс не разделял идей народной Реформации о грядущем социальном перевороте, он все же отражал в своих произведениях настроения демократической массы горожан. Его насмешки над монахами и католическим духовенством, его решительная поддержка Лютера проникнуты общенародным гневом против паразитического и безнравственного католического клира. В замечательном аллегорическом стихотворении, написанном в 1523 г., — «О виттенбергском соловье, чья песнь слышна теперь везде» — сам папа изображен хищным львом, окруженным другими хищниками, который смертельно испугался соловья (Лютера), разоблачившего его жадность и грозящего лишить его добычи:

Монаха Лютера ученье
Педаром привело в смятенье
Льва, то есть папу, — этот плут
Почуял, чем запахло тут:
Грозит урон его доходам,
Что неизменно год за годом
Стекались в папский фиск рекой...
Подвергнутся судьбе такой.
Все бенефиции, палоты,
Которыми, твердя о боге,
Кормились полчища попов ...
(Перев. В. Шора)

Переживаемый немецкой литературой в XVI в. подъем, усиление в ней народной струи продолжались и в конце века, когда появились народные сказания о докторе Фаусте (1587), легшие в основу бессмертного произведения Гете, и о героях других народных сказаний. К последним десятилетиям XVI в. относятся резкие по своей форме и обличительной силе сатирические произведения вы-

дающегося немецкого писателя Иоганна Фишарта (1546—1590), направленные против папского Рима и иезуитов, против суеверия и религиозного фанатизма.

В области живописи и скульптуры влияние бурной эпохи общественного подъема сказалось в том, что крупнейшие и самые выдающиеся немецкие мастера — Альбрехт Дюрер (1471—1528), Ганс Гольбейн Младший (1497—1543), Матис Нитхарт Генхарт, известный под именем Грюневальд (ок. 1475—1528), Лукас Кранах Старший (1472—1553), преодолевая традиционные формы средневекового искусства, стремились отразить в своих произведениях жизненную правду. Даже разрабатывая мотивы из библейских легенд и другие религиозные сюжеты, они старались придать изображаемому лицам черты, взятые у реальной действительности, и показать в них красоту человека, душевные переживания и чувства простых людей наряду с характерным для немецкого и североевропейского гуманизма особым интересом к социально-этическим проблемам своего времени. В произведениях величайших немецких художников XVI в. отражен пафос идейной и освободительной борьбы эпохи Реформации и Великой Крестьянской войны. Такова монументальная картина А. Дюрера «Четыре апостола», таковы гравюры Дюрера и Гольбейна Младшего на социальные темы и особенно выдающиеся творения Грюневальда «Изенгеймский алтарь», «Штуппахская мадонна» и др. Яркой сатирой на богословов, монахов и прочих мракобесов, на пошлость, лицемерие и нравственное разложение разных паразитических слоев общества являются иллюстрации Гольбейна Младшего к «Похвальному слову глупости» Эразма Роттердамского.

Замечательное проявление культурного развития века — произведения выдающегося немецкого философа и историка Себастьяна Франка (1500—1543). Как и многие гуманисты, Франк был противником народных восстаний, считая, что они могут привести лишь к усилению гнета. Но анализ бурных событий, потрясавших страну, привел Франка к важным философско-историческим обобщениям. В обычной для того времени мистико-теологической оболочке Франк стремился показать закономерность исторических событий, в том числе и народных восстаний, причины и уроки которых должны быть, по его мнению, изучены и учтены.

Наступившая после подавления народного восстания 1525 г. длительная общественная и политическая реакция и последовавший затем экономический упадок подорвали начавшийся в предыдущую эпоху подъем культурной жизни Германии и нанесли сокрушительный удар зарождавшимся элементам национальной общности. Однако революционные и прогрессивные традиции этой бурной эпохи сохранили свое историческое значение и в последующие века и не могли быть забыты передовыми слоями немецкого народа в новое и новейшее время.